Пропавшие девушки Парижа

Автор:
Пэм Дженофф

Пропавшие девушки Парижа

Пэм Дженофф

Звезды зарубежной прозы

1946, Манхэттен.

Грейс Хили пережила Вторую мировую войну, потеряв любимого человека. Она надеялась, что тень прошлого больше никогда ее не потревожит.

Однако все меняется, когда по пути на работу девушка находит спрятанный под скамейкой чемодан. Не в силах противостоять своему любопытству, она обнаруживает дюжину фотографий, на которых запечатлены молодые девушки. Кто они и почему оказались вместе?

Вскоре Грейс знакомится с хозяйкой чемодана и узнает о двенадцати женщинах, которых отправили в оккупированную Европу в качестве курьеров и радисток для оказания помощи Сопротивлению. Ни одна из них так и не вернулась домой.

Желая выяснить правду о женщинах с фотографий, Грейс погружается в таинственный мир разведки, чтобы пролить свет на трагические судьбы отважных женщин и их удивительные истории любви, дружбы и предательства в годы войны.

Пэм Дженофф

Пропавшие девушки Парижа

Моим родным и близким

«В военное время правда имеет столь высокую ценность, что ее должна охранять гвардия лжи».

Уинстон Черчилль

Глава 1

Грейс

Нью-Йорк, 1946 г.

Если бы не катастрофическая ошибка – катастрофичнее в жизни Грейс Хили была только одна, – она никогда бы не наткнулась на этот чемодан.

Во вторник в девять двадцать утра Грейс должна была бы ехать на первом из двух автобусов, на которых она обычно добиралась из Адской кухни[1 - Адская кухня (Hell’s Kitchen) – район Манхэттена (Нью-Йорк), также известный как Клинтон. В 1800–1980-х гг. имел славу криминального центра Нью-Йорка, поскольку там был высокий уровень преступности. Отсюда и название.], где она жила в меблированных комнатах, до места работы в деловой части города, в Нижнем Ист-Сайде. И она спешила на работу. Только не из того района, где находились меблированные комнаты, которые она с некоторых пор называла своим домом. Она мчалась в южном направлении по Мэдисон-авеню, на ходу собирая в низкий пучок свои вьющиеся волосы. Несмотря на холод, Грейс на минутку сняла пальто, чтобы стянуть с себя светло-зеленый кардиган. Иначе Фрэнки заметит, что на ней тот же самый наряд, в котором она приходила на работу предыдущим днем, и у него возникнет немыслимый вопрос: а дома ли ночевала Грейс?

Она замедлила шаг у магазина дешевых товаров, рассматривая себя в витрине. Жаль, что он закрыт, а то бы она купила пудру для затушевки засосов на шее и какие-нибудь духи, чтобы перебить запах выпитого накануне бренди, смешанный с восхитительно-порочным ароматом лосьона Марка, вдыхая который, она каждый раз испытывала головокружение и стыд. Сидевший на углу пьянчужка постанывал во сне. Взглянув на его серое безжизненное лицо, Грейс почувствовала некую солидарность с ним. Из соседнего переулка донесся грохот: кто-то барабанил по мусорному контейнеру, который громыхал в унисон с глухим стуком в ее собственной голове. Казалось, весь Нью-Йорк позеленел от похмелья. А может, это у нее в глазах позеленело.

По Мэдисон-авеню метался порывистый февральский ветер, заставлявший бесноваться флаги на небоскребах. В канаве выплясывала скомканная старая газета. Колокола церкви Св. Агнессы пробили половину десятого. Грейс ускорила шаг, переходя почти на бег, отчего шея под воротником взмокла. Впереди маячила громада Центрального вокзала. Еще немного, и она повернет налево, на 43-ю улицу, а там сядет на автобус-экспресс, который следует в центр по Лексингтон-авеню.

Но по приближении к перекрестку она увидела, что доступ на 43-ю улицу закрыт. Три полицейских автомобиля перегородили Мэдисон-авеню, блокируя проход и проезд в южном направлении. «Авария», – поначалу заподозрила Грейс, заметив на другой стороне улицы покореженный черный «студебекер» с дымящимся капотом. С некоторых пор легковых автомобилей на улицах Среднего Манхэттена заметно прибавилось, и они боролись за место под солнцем с автобусами, такси и грузовиками, развозившими товары. Правда, второго участника аварии видно нигде не было. На углу была припаркована одинокая машина «скорой помощи», но приехавшие на ней медики не бегали и не суетились, а стояли, привалившись к своему транспорту, и курили.

Грейс направилась к одному из полицейских с обрюзглым лицом, выступавшим над высоким воротом его синей формы с золотыми пуговицами.

– Прощу прощения. Улица еще долго будет перекрыта? Я опаздываю на работу.

Полицейский глянул на нее пренебрежительно из-под козырька фуражки, словно выражал до сих пор бытующее в обществе мнение, что работающая женщина – это нелепость, какой свет не видывал, хотя во время войны женщины успешно заменяли на фабриках и заводах ушедших на фронт мужчин.

– Здесь вы не пройдете, – официозно заявил он. – Ни сейчас, ни в скором времени.

– А что случилось? – спросила Грейс, но полицейский уже отвернулся. Она шагнула вперед, вытягивая шею.

– Женщину машина сбила насмерть, – объяснил стоявший рядом с ней мужчина в шерстяном берете.

Увидев растрескавшееся лобовое стекло «студебекера», Грейс вдруг почувствовала, как к горлу подступила тошнота.

– Какой ужас, – с трудом выдавила она из себя.

– Я сам не видел, – отозвался мужчина. – Но кто-то сказал, что она умерла мгновенно. По крайней мере, не мучилась.

По крайней мере. После гибели Тома слишком уж часто Грейс слышала эту фразу. По крайне мере, она еще молода. По крайней мере, детей нет – как будто без детей горе перенести легче. (Дети, думала она порой, не были бы ей обузой; в них навечно сохранилась бы частичка Тома).

– Никогда не предугадаешь, где тебя настигнет конец, – философски рассудил мужчина в берете. Грейс промолчала. Смерть Тома тоже была внезапной: он перевернулся на джипе, когда ехал с военной базы на железнодорожный вокзал в Джорджии, чтобы отправиться в Нью-Йорк и повидаться с ней перед тем, как его часть будет переброшена в другое место. Гибель Тома причислили к военным потерям, но в действительности это был просто несчастный случай, который мог бы произойти где угодно.

Сверкнула вспышка репортерского фотоаппарата. Грейс на мгновение зажмурилась и, приставив ладонь козырьком ко лбу, принялась вслепую выбираться на воздух из образовавшейся вокруг толпы, душившей ее сигаретным дымом, запахами пота и духов.

Отойдя от полицейского оцепления, Грейс бросила взгляд через плечо. С западной стороны 43-я улица тоже была перекрыта. Значит, там она пройти не

сможет, рассудила Грейс. Если вернется по Мэдисон-авеню до вокзала и обойдет его с другой стороны, это займет как минимум еще полчаса, а она и так уже опоздала на работу. Грейс снова стала проклинать минувшую ночь. Если бы не Марк, она теперь не стояла бы здесь. Делать нечего: придется идти через Центральный вокзал – единственное место, где не должна ступать ее нога, ведь она дала себе слово.

Грейс повернулась лицом к Центральному вокзалу, отбрасывавшему огромную тень на тротуар. Через его двери в обе стороны постоянно текли потоки пассажиров. Она представила нутро вокзала, главный вестибюль, в который через витражные окна пробивается дневной свет. Там под большими часами встречались друзья и влюбленные. Невыносимо ей было видеть не сам вокзал, а людей, что там находились. Ожидающие девушки тискают в руках сумочки, сосредоточенно водя языками по зубам, чтобы на них не просочилась красная помада, которой они накрасили губы. Чистенькие выкупанные дети немного нервничают при виде своих отцов, которых они не помнят, потому что были совсем малышами, когда те уходили на войну. Солдаты в измятых за время пути формах спрыгивают на платформу с поникшими маргаритками в руках. Радость воссоединения с любимыми, которой ей не суждено испытать.

Плюнуть бы на все и поехать домой, подумала Грейс. Понежиться в ванне, может быть, чуток прикорнуть. Однако ей нужно быть на работе. В десять Фрэнки встречается с одной французской семьей, и Грейс должна вести запись их беседы. А после на прием придут Розенберги: им нужны документы на жилье. Грейс любила свою работу именно за то, что это давало ей возможность погрузиться в чужие проблемы. Но сегодня ответственность давила на нее тяжким грузом.

Нет, на работу придется ехать, и сейчас путь туда только один. Расправив плечи, Грейс зашагала к Центральному вокзалу.

Она вошла в здание. Впервые с того дня, когда она прибыла сюда из Коннектикута. В своем лучшем гофрированном платье и маленькой шляпке, восседающей на безупречно завитых «победных локонах»[2 - «Победные локоны» (victory rolls) – женская прическа с валиками или коками по обеим сторонам пробора, популярная в 1940-х гг.]. Том не приехал, как ожидалось, на трехчасовом поезде из Филадельфии, где он должен был сделать пересадку, и она предположила, что он опоздал на стыковку. Со следующим поездом он тоже

не приехал, и ее охватила смутная тревога. Она просмотрела доску объявлений рядом с информационной стойкой в центре зала, где люди оставляли сообщения, – на тот случай, если Том прибыл раньше и она каким-то образом с ним разминулась. Связаться с ним или узнать что-либо о нем не представлялось возможным. Оставалось только ждать. Она съела хот-дог, а вместе с ним и помаду на губах; хот-дог оказался прокисшим. По второму, потом по третьему разу прочитала заголовки в газетах, что продавались в киоске. Поезда прибывали, высаживали на платформу пассажиров – солдат, в числе которых мог бы быть Том. Но его среди них не было. К тому времени, когда в восемь тридцать подкатил последний поезд, Грейс уже места себе не находила от беспокойства. Том никогда не заставил бы ее мучиться ожиданием. Что случилось? Наконец она заметила, что к ней приближается рыжеволосый лейтенант, которого она видела на церемонии присяги Тома. По его угрюмому лицу она поняла, что произошло непоправимое. Она до сих пор словно наяву ощущала прикосновение незнакомых рук, которые подхватили ее, когда у нее подкосились колени.

Центральный зал выглядел так же, как и в тот вечер. Атмосфера деловитости. Нескончаемый поток пассажиров – жителей пригородов и путешественников, которым невдомек, какую страшную роль вот уже много месяцев играл этот вокзал в ее сознании. «Просто пройди через зал», – твердила она себе. Широкий выход на дальней стороне манил к себе, словно маяк. Никто не просит, чтобы она остановилась и предалась воспоминаниям.

Что-то дернуло ее за ногу – странное ощущение, будто ее царапнули пальчики ребенка. Грейс остановилась, обернулась. На нейлоновом чулке бежала стрелка. Неужели Марк порвал? С каждым шагом разрыв увеличивался, превращаясь в дырищу в пол-икры. Нужно поскорее снять чулки.

Грейс устремилась к лестнице, что вела в общественный туалет на нижнем этаже. Проходя мимо одной из скамеек, она споткнулась, чуть не упала. Нога подвернулась, лодыжку пронзила боль. Прихрамывая, она подковыляла к скамейке и приподняла ногу, полагая, что каблук, который она не прочно закрепила, опять отлетел. Однако каблук был на месте. А вот из-под самой скамейки, мимо которой она проходила минуту назад, что-то торчало – то, обо что она споткнулась. Коричневый чемодан, небрежно задвинутый под сиденье. Грейс бросила раздраженный взгляд вокруг, недоумевая, кто мог так безответственно оставить на дороге свой багаж. Но поблизости никого не было;

люди проходили мимо, не обращая внимания на чемодан. Возможно, его владелец отошел в уборную или к газетному киоску. Грейс глубже запихнула чемодан под сиденье, чтобы больше никто об него не споткнулся, и поспешила в туалет.

У входа в дамскую комнату на полу сидел мужчина в заношенной до дыр военной форме. На долю секунды Грейс обрадовалась, что гибель в автомобильной аварии избавила Тома от участия в войне, с которой он возвратился бы раздавленным ее ужасами. В памяти Грейс он навсегда останется здоровым и крепким – красивым парнем. Ему не суждено вернуться домой в шрамах, как многие солдаты, которых она видела; ему не суждено храбриться, скрывая свою надломленность. Грейс достала из кармана последние несколько монет, стараясь не думать о желанном кофе, без которого ей теперь придется обойтись, и вложила деньги в заскорузлую ладонь мужчины. Она просто не могла пройти мимо.

Грейс прошла в туалет, закрылась в кабинке и сняла чулки. Затем, встав перед зеркалом, пригладила свои иссиня-черные волосы и подкрасила губы. Восковой привкус помады «Коти»[3 - «Coty» – французско-американский производитель косметических продуктов. Компания была основана в 1904 г. в Париже парфюмером Франсуа Коти (1874–1934). В 1912 г. были открыты филиалы в Лондоне и Нью-Йорке.] заставил ее вспомнить минувший вечер. За соседней раковиной женщина младше ее по возрасту разглаживала пальто на своем выступающем округлом животе. Казалось, теперь беременные встречаются на каждом шагу – результат множественных радостных воссоединений с возлюбленными, вернувшимися домой с войны. Грейс почувствовала на себе взгляд женщины. Та, конечно же, заметила, что у нее взъерошенный вид. И сразу все поняла.

Памятуя о том, что она окончательно опоздала на работу, Грейс поспешила из туалета и снова пошла через зал к выходу. Она обратила внимание, что чемодан, о который она споткнулась несколько минут назад, по-прежнему стоит под скамейкой. Замедлив шаг, Грейс приблизилась к нему и огляделась, проверяя, не объявился ли где-то рядом его хозяин.

За чемоданом никто не возвращался, и тогда Грейс опустилась на корточки, рассматривая находку. Чемодан как чемодан, ничего особенного. С закругленными углами, с затасканной перламутровой ручкой. Тысячи таких проносят через вокзал каждый день. Ну, этот разве что немного посимпатичнее.

Только вот его никуда не несут: он стоит себе и стоит под скамейкой. Бесхозный. Может, кто-то потерял свой багаж? Грейс помедлила из осторожности, вспомнив одну историю времен войны – о саквояже, в который была заложена бомба. Но война закончилась. Угроза вторжения и прочие опасности, которые некогда, казалось, поджидали за каждым углом, остались в прошлом.

Грейс поискала на чемодане метки, указывающие на его владельца. На боку мелом было написано имя. С чувством неловкости она вспомнила, что некоторых клиентов Фрэнки, которым удалось спастись от нацистов, вынуждали писать свои фамилии на чемоданах, теша их ложной надеждой, что они воссоединятся со своими вещами. На этом чемодане белело одно слово: Тригг.

Грейс задумалась: как быть – сообщить носильщику или просто уйти? Она опаздывала на работу. Однако любопытство возобладало. Возможно, внутри есть бирка. Она потыкала застежку. И тут же услышала щелчок, будто запор под ее пальцами открылся сам собой. Грейс на несколько дюймов приподняла крышку и обернулась: вдруг ее сейчас поймают. Потом заглянула в чемодан. Аккуратные стопки вещей. В верхнем углу щетка для волос с серебряной спинкой и незавернутый брусок лавандового мыла «Ярдли». Идеально отглаженные предметы женской одежды. На дне – пара детской обуви, но других детских вещей нет.

Внезапно она осознала, что непростительно вмешивается в чужую личную жизнь (а как иначе назвать ее поступок?). Грейс быстро отдернула руки от чемодана, почувствовав, как что-то полоснуло ее по указательному пальцу.

– Ой! – непроизвольно вскрикнула она.

Полоска крови, чуть больше дюйма длиной, проступившая на пальце, быстро ширилась, красные капельки укрупнялись. Грейс сунула палец в рот, облизывая ранку, чтобы остановить кровотечение. Потом здоровой рукой полезла в чемодан, проверяя, обо что она порезалась – о лезвие или о нож. Под одеждой лежал конверт, наверно, с четверть дюйма толщиной. Она поранила руку об острый край бумаги. «Не трогай», – потребовал внутренний голос. Не в силах повиноваться ему, она открыла конверт.

Внутри лежала стопка фотографий, аккуратно перетянутая кружевной ленточкой. Грейс развязала ее. Капелька крови упала с пальца на ленточку,

безнадежно испортив кружево. В стопке находилось штук десять фотографий. Каждая – портрет молодой женщины. Все они были настолько не похожи друг на друга, что вряд ли их связывали родственные узы. Некоторые были запечатлены в военной форме, другие – в отутюженных блузках или блейзерах. На вид все женщины не старше двадцати пяти лет.

Фотографии обжигали руки, словно она держала что-то слишком интимное, порочное. Грейс хотелось подальше убрать снимки, позабыть, что она их видела. Но темные глаза девушки на верхней фотографии притягивали взор. Кто она?

И тут с улицы донесся вой сирен. Грейс приняла это на свой счет: полиция едет арестовать ее за то, что она залезла в чужой чемодан. Грейс принялась судорожно перетягивать фотографии кружевом, чтобы убрать конверт на место. Но лента ровно не завязывалась, ей не удавалось вложить снимки в конверт. Сирены выли все громче. Времени не было. Грейс незаметно сунула фотографии в свою сумочку и ногой задвинула чемодан под скамью, подальше от посторонних глаз.

И зашагала к выходу, чувствуя, как дергается порезанный палец.

– Знала же, – бормотала она себе под нос, – что нельзя идти через вокзал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Глава 2

Элеонора

Лондон, 1943 г.

Директор кипел от ярости.

Широкой, как медвежья лапа, ладонью он грохнул по длинному столу – так сильно, что даже на его дальнем конце чашки задребезжали, из них выплеснулся чай. Шутки и болтовня, которые обычно слышались на утреннем

совещании, мгновенно стихли. Директор побагровел.

– «Сгорели» еще два агента, – бушевал он, не удосуживаясь понизить голос. Проходившая по коридору одна из машинисток остановилась, заглянула в комнату и, вытаращив глаза, поспешила прочь. Элеонора быстро поднялась из-за стола и захлопнула дверь, раскроив облако сигаретного дыма, плававшее над ними.

– Так точно, сэр, – пролепетал капитан Майклс, атташе ВВС Великобритании. – Агенты, сброшенные близ Марселя, были арестованы буквально через несколько часов после прибытия на место. Не имея от них известий, мы предположили, что они убиты.

– Кто эти агенты? – спросил Директор. Грегори Уинслоу, начальник Управления спецопераций, в прошлом был полковником сухопутных войск. Он воевал еще в Первую мировую и был отмечен множеством наград. В свои почти шестьдесят лет внешне он оставался статным и величавым. В штаб-квартире все называли его просто «Директор».

Капитана Майклса его вопрос привел в замешательство. Для тех, кто руководил операциями на расстоянии, полевые агенты были безымянными фигурами на шахматной доске.

В отличие от Элеоноры, сидевшей рядом с ним.

– Гарри Джеймс. Уроженец Канады, выпускник колледжа Магдалины Оксфордского университета. Эван Питерсон, служил в Королевских ВВС. – Она наизусть знала биографии всех агентов, которых они забрасывали в тыл врага.

– За этот месяц уже вторая череда арестов. – Директор жевал мундштук нераскуренной трубки.

– Третья, – тихо поправила его Элеонора. Ей не хотелось, чтобы Директор разозлился еще больше, но лгать она тоже не могла. Почти три года миновало с тех пор, как Черчилль санкционировал создание Управления спецопераций (УСО), перед которым он поставил задачу «воспламенить Европу» путем подрывной деятельности. За это время в Европу было заброшено почти триста агентов для проведения диверсий на военных заводах и путях

железнодорожного сообщения. Большинство в составе подразделения «Сектор Ф» были отправлены в Европу, чтобы расшатать местную инфраструктуру и вооружить французских партизан в преддверии открытия второго фронта, о чем давно ходили слухи.

Но за стенами штаб-квартиры на Бейкер-стрит работа УСО не получала высокой оценки. Эм-ай-6[4 - MI 6 – секретная разведывательная служба Великобритании.] и другие традиционные правительственные агентства негодовали, считая, что диверсии УСО подготовлены непрофессионально и ставят под угрозу срыва их собственные секретные операции. К тому же успешность работы УСО трудно было соизмерить в количественном выражении – как в силу их засекреченности, так и потому, что их эффективность невозможно было объективно оценить до высадки союзных войск на европейском континенте. А в последнее время управление преследовали неудачи: провалы агентов следовали один за другим. Неужели масштабность операций сделала их заложниками собственного успеха? Или причина крылась в чем-то совсем ином?

Директор повернулся к Элеоноре, которая внезапно оказалась в роли добычи, привлекшей внимание льва.

– Тригг, в чем дело, черт возьми? Агенты плохо подготовлены? Допускают ошибки?

Элеонора была немало удивлена. В УСО она пришла работать секретарем вскоре после создания организации. Ей стоило немалых трудов заполучить это место: она была женщиной, да к тому же еще и полькой по национальности – польской еврейкой. Мало кто считал, что она вправе служить здесь. Нередко она сама удивлялась тому, что ей, уроженке маленькой деревушки близ Пинска, удалось пробиться в коридоры власти в Лондоне. Но она убедила Директора дать ей шанс и, благодаря своим знаниям и профессионализму, пристальному вниманию к малейшим деталям и энциклопедической памяти, завоевала его доверие. На протяжении всех лет службы в УСО ее должность и жалованье оставались неизменными, но теперь она скорее исполняла обязанности советника. Директор требовал, чтобы во время совещаний она сидела не на дальнем конце стола вместе с другими секретарями, а по правую руку от него. (На этом он настаивал, подозревала она, отчасти потому, что был глуховат на правое ухо, в чем он больше никому не признавался. И после совещаний она всегда при закрытых дверях представляла ему полный отчет о рассмотренных вопросах, дабы он что-нибудь не упустил.)

Однако сегодня Директор впервые предложил ей высказать свое мнение при других.

– При всем уважении, сэр, дело не в плохой подготовке или в плохом исполнении. – Элеонора вдруг остро осознала, что к ней прикованы взгляды всех присутствующих в комнате. Она гордилась своей способностью сохранять неприметность в управлении, привлекать к себе как можно меньше внимания. Но теперь с нее, так сказать, сдернули покрывало, и мужчины смотрели на нее с откровенным скептицизмом.

– А в чем? – спросил Директор. Выдержкой он никогда не отличался, а сейчас его терпение и вовсе было на исходе.

– В том, что все наши агенты – мужчины. – Элеонора тщательно подбирала слова, не позволяя ему торопить себя. Она стремилась донести до него свою мысль в наиболее корректной мягкой форме, чтобы не обидеть. – Во французских городах почти не осталось молодых мужчин. Они либо призваны в ЛФВ[5 - Legion des Volantaires Fran?ais contre le Bolchevisme (LVF) – Легион французских добровольцев против большевизма (ЛФВ). Пехотный полк, сформированный во Франции; принимал участие в боевых действиях на Восточном фронте во время Второй мировой войны на стороне Германии.], либо служат в ополчении коллаборационистского режима Виши, либо сидят в тюрьмах за отказ служить в них. Поэтому наши агенты сразу бросаются в глаза.

– И что же прикажете делать? Пусть уходят в подполье?

Элеонора покачала головой. Агенты не могут прятаться. Чтобы добывать информацию, они должны взаимодействовать с местным населением. Источник наиболее ценных сведений – повседневные наблюдения обычных граждан: официантка в Лотреке подслушала болтовню подвыпивших офицеров; жена фермера заметила изменения в расписании поездов, что катили мимо полей. К тому же агентам необходимо налаживать контакты с reseau – участниками местных сил Сопротивления, чтобы поддержать их усилия в борьбе с немецкими оккупантами. Нет, агенты «Сектора Ф» не могут действовать, прячась в подвалах и пещерах.

– Как же быть? – напирал Директор.

– Есть еще один вариант… – Она запнулась под его взглядом, в котором сквозило нетерпение. Элеонора не имела привычки лезть за словом в карман, но ее предложение было столь дерзким, что она боялась его озвучить. Она сделала глубокий вдох. – Посылать женщин.

– Женщин? Не понимаю.

Эта идея возникла у нее несколько недель назад, когда она наблюдала, как одна из девушек в центре связи быстро и уверенно декодировала сообщение, поступившее от агента, который действовал на территории Франции. Какие таланты пропадают впустую, подумала тогда Элеонора. Ей бы передавать сообщения из-за линии фронта. Идея эта была столь чужеродной, что несколько дней никак не могла созреть в голове у Элеоноры. Она не собиралась излагать сейчас свою полусформировавшуюся мысль, но пришлось – как-то само собой получилось.

– Да. – Элеонора слышала истории про женщин-агентов, хитрых оперативниц, которые работали в одиночку на востоке, передавая сообщения, устраивая побеги военнопленных. Такие случаи имели место и в Первую мировую войну; возможно, тогда их было даже куда больше, чем многие полагают. Но вот разработка официальной программы по подготовке и внедрению в стан врага агентов-женщин – это нечто совсем иное.

– И что они будут делать? – спросил Директор.

– То же, что и мужчины, – ответила Элеонора, внезапно раздосадованная тем, что она вынуждена объяснять очевидное. – Работать курьерами. Передавать сведения по рации. Вооружать партизан, взрывать мосты. – На внутреннем фронте женщины взяли на себя самые разнообразные роли, не только работая медсестрами и служа в частях местной обороны. С таким же успехом они могли бы быть и агентами. Почему это так трудно понять?

– Женский сектор? – подал голос Майклс скептическим тоном.

Проигнорировав его реплику, Элеонора посмотрела прямо в лицо Директору.

– Подумайте об этом, сэр, – сказала она. По мере того, как выдвинутая ею идея крепла в ее сознании, росла и ее убежденность в собственной правоте. –

Молодых мужчин во Франции раз-два и обчелся, а женщины всюду. На улицах, в магазинах, в кафе. Что касается женщин, которые уже работают здесь… – Элеонора помедлила, размышляя об операторах радиосвязи, которые неутомимо трудились в УСО. В своей области они были безупречны: обладали необходимыми навыками и знаниями, были всецело преданы делу, которому служили. Но в силу тех же самых качеств, благодаря которым они слыли непревзойденными профессионалами, на роль разведчиц они были непригодны. Они слишком вжились в свой образ – из таких хороших оперативниц не подготовишь; к тому же они видели и знали слишком много, чтобы забрасывать их в стан врага. – Они тоже не подойдут. Нужно набирать свежие кадры.

– Но где мы их найдем? – спросил Директор, по-видимому проникаясь ее идеей.

– Там же, где находим мужчин. – Действительно, у них не было кадрового резерва оперативников. – Будем искать среди военнослужащих женской вспомогательной службы, корпуса медсестер, в университетах и профессиональных училищах, на фабриках и на улицах. – По анкетным данным невозможно определить, что вот этот человек станет идеальным агентом, и дипломы разведчиков тоже нигде не выдают. При подборе агентов зачастую руководствуются интуицией. – Будем подбирать такие же кандидатуры – находчивых, умеющих приспосабливаться, в совершенстве владеющих французским, – добавила Элеонора.

– Но их придется обучать, – указал Майклс, намекая, что это непреодолимое препятствие.

– Как и мужчин, – заметила Элеонора. – Разведчиками не рождаются.

– А потом? – спросил Директор.

– А потом – заброска в тыл противника.

– Сэр, – вмешался Майклс. – Женевская конвенция прямо запрещает участие женщин в боевых действиях. – Мужчины за столом закивали, ухватившись за этот довод.

– Женевская конвенция много чего запрещает, – парировала Элеонора. Ей были известны все темные закоулки УСО, все уловки и лазейки, к которым прибегало

управление, чтобы «срезать углы» и обойти закон в отчаянных условиях военного времени. – В качестве прикрытия можно зачислить их в Корпус медсестер.

– Мы подвергли бы риску жизни жен, дочерей и матерей, – не сдавался Майклс.

– Мне это не нравится, – заявил один из военных с дальнего конца стола. Элеонору охватило нервное беспокойство. Директор был не самый волевой лидер. Если остальные поддержат Майклса, он может пойти на попятную.

– Вы предпочитаете каждые две недели отправлять на заклание к немцам с полдюжины наших мужчин? – язвительно осведомилась Элеонора, изумляясь собственной смелости.

– Что ж, надо попробовать, – с несвойственной ему решительностью положил конец спору Директор и затем обратился к Элеоноре: – Устраивайте офис в Норджби-Хаусе – это здесь рядом, на нашей улице. И дайте мне знать, что вам нужно.

– Я? – удивилась Элеонора.

– Идея ваша, Тригг. Вы и возглавите всю эту чертовщину.

Памятуя о потерях, что они обсуждали не далее как несколько минут назад, Элеонора поморщилась: ее покоробил выбор слов Директора.

– Сэр, – вмешался Майклс. – Я не думаю, что мисс Тригг обладает соответствующей квалификацией. Не в обиду ей будет сказано, – добавил он, качнув головой в ее сторону. Мужчины с сомнением смотрели на Элеонору.

– Я не обиделась. – Она давно приучила себя не реагировать на пренебрежительное отношение мужчин, с которыми ей приходилось работать.

– Сэр, – поддержал Майклса армейский офицер, сидевший на дальнем конце стола, – я тоже считаю, что для этого дела мисс Тригг – не самый удачный выбор. Учитывая ее происхождение… – Головы вокруг стола закивали, скептицизм в лицах сопровождался ропотом. Элеонора чувствовала на себе пытливые взгляды

участников совещания, ставивших под сомнение ее преданность. Чужачка, словно говорили их лица, нельзя ей доверять. Несмотря на все ее заслуги перед УСО, в ней до сих пор видели врага. Для них она оставалась пришлой, иностранкой. И вовсе не потому, что она не пыталась стать своей. Элеонора приложила немало усилий, чтобы ассимилироваться, избавиться от акцента. Подала документы на получение британского гражданства. Заявление ее не было удовлетворено – непонятно, на каком основании; даже Директор, при всех его допусках и возможностях, не сумел выяснить причину отказа. Несколько месяцев назад она представила документы на повторное рассмотрение, приложив к ним рекомендательное письмо от Директора в надежде, что это поспособствует принятию решения в ее пользу. Ответа она пока не получила.

Элеонора прочистила горло, собираясь взять самоотвод, но Директор ее опередил.

– Элеонора, организуйте свой офис, – распорядился он. – И немедленно приступайте к вербовке и подготовке девушек. – Он поднял руку, пресекая дальнейшие возражения.

– Слушаюсь, сэр. – Она сидела с высоко поднятой головой, не желая прятать глаза от всех, кто смотрел на нее.

После совещания Элеонора дождалась, когда все остальные уйдут, и затем подошла к Директору.

– Сэр, мне кажется…

– Ерунда, Тригг. Все знают, что для этого дела вы, так сказать, самая подходящая кандидатура. Даже вояки. Пусть они не желают этого признавать или не совсем понимают, почему это так.

– Сэр, даже если это так, я ведь «посторонняя». У меня нет связей.

– Да, вы – «посторонняя», и поэтому, в частности, идеально подходите для данной работы. – Он понизил голос. – А эти «политические соображения» мне надоели. Вы не допустите, чтобы личные убеждения или какие-то другие интересы влияли на ваше суждение.

Она кивнула, понимая, что он прав. У нее нет ни мужа, ни детей, ни каких-то сторонних увлечений. Для нее на первом месте всегда был и остается служебный долг.

– Вы уверены, что не хотите направить меня на задание? – спросила Элеонора, заранее зная, какой услышит ответ. Ей льстило, что Директор назначил ее руководителем операции по вербовке и подготовке агентов-женщин, но все же это было не столь почетно, как разведдеятельность в тылу противника.

– Без оформления кучи документов это невозможно. – Разумеется, он был прав. В Лондоне ей, вероятно, удалось бы скрывать свое происхождение. Но получить разрешение на ее заброску в тыл противника, особенно сейчас, когда еще не решен вопрос о ее гражданстве, это совершенно другое дело. – В любом случае здесь вас ждет куда более важная работа. Вы теперь руководитель отдела. Ваша задача – вербовать девушек. Обучать их. Этим должен заниматься человек, которому они могут доверять.

– Мне? – Элеонора знала, что женщины, служившие в УСО, считают ее человеком холодным и неприветливым, не из тех, кого хочется пригласить на чашку чая или пообедать вместе, кому хочется доверить свои тайны.

– Элеонора, – продолжал Директор тихим неумолимым голосом, пронизывая ее взглядом, – немногие из нас теперь находятся там, где мы рассчитывали оказаться, когда началась война.

«Что верно, то верно», – отметила она про себя. Пожалуй, Директор даже не догадывается, насколько он прав. Она подумала о его предложении. Ей представлялся шанс заполучить в свои руки реальную власть и попытаться исправить все те ошибки, что совершались на ее глазах на протяжении многих месяцев, а она, не обладая необходимым влиянием, была вынуждена беспомощно смотреть на это со стороны. Теперь же она смогла бы принести гораздо больше пользы, пусть и не «на поле боя».

– Вам предстоит оценивать возможности девушек и использовать их с максимальной эффективностью, – сказал Директор, словно все уже было решено, словно она дала согласие. Элеонору раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, предложение возглавить новый отдел было заманчивым. В то же время она понимала, сколь огромная стоит перед ней

задача, многосложная, как хитрые карточные комбинации. За последнее время произошло столько провалов агентов-мужчин. И хотя Элеонора была убеждена, что в тыл противника следует направлять женщин, но их обучение и подготовка – задача грандиозного масштаба. Ее выполнение потребует от нее полной самоотдачи, неимоверных затрат душевных сил. Может ли она себе это позволить?

Потом ее взгляд упал на стену – на фотографии погибших агентов УСО, молодых парней, которые пожертвовали всем ради будущей победы в войне. Она представила сотрудников немецкой Службы безопасности (Sicherheitsdient) в их французской штаб-квартире на авеню Фош в Париже. СД возглавлял Ганс Криглер, бывший комендант одного из концентрационных лагерей. Элеонора читала его досье и знала, что это был коварный и жестокий человек. По некоторым сведениям, он вынуждал местных жителей давать признательные показания, угрожая убить их детей, и живьем подвешивал пленников на крюки для мясных туш, выбивал из них информацию и оставлял умирать. Наверняка в эту самую минуту он планировал захват новых агентов.

Элеонора знала, что выбора у нее нет: она обязана взяться за эту работу.

– Хорошо. Но я должна иметь полномочия принимать решения, – добавила она. Всегда важно первой выдвинуть свои условия.

– Полномочия у вас будут.

– И отчитываться я буду непосредственно перед вами. – Обычно спецотделы курировал кто-то из заместителей Директора. Элеонора краем глаза посмотрела на Майклса, топтавшегося в коридоре. Ни он, ни остальные мужчины не обрадуются, что она будет находиться на особом положении у Директора, хотя он и без того ее всегда выделял. – Только перед вами, – подчеркнула она.

– Обойдемся без бюрократии, – пообещал Директор. – Вы подчиняетесь только мне.

Она различила нотки отчаяния в его голосе: он остро нуждался в ее помощи.

Глава 3

Мари

Лондон, 1944 г.

Мари никак не ожидала, что в секретные агенты ее завербуют – кто бы мог подумать! – в туалете. Впрочем, она вообще помыслить не могла, что кто-то станет ее вербовать.

Часом ранее Мари сидела за столиком у окна в «Таун-Хаусе», тихом кафе на Йорк-стрит, куда она частенько захаживала, чтобы насладиться несколькими минутами покоя после безумолчной трескотни, что целый день стояла в тусклой пристройке, принадлежавшей Военному министерству, где она работала машинисткой. Через два дня наступали выходные. Думая о них, Мари улыбалась. Воображение рисовало ей пятилетнюю Тесс и ее кривой зуб, который наверняка уже стал более заметен. С дочерью она виделась только по субботам и воскресеньям, и каждый раз ей казалось, что с момента их последней встречи не неделя прошла, а годы пролетели. Мари хотелось быть за городом вместе с Тесс, играть с ней у ручья, искать камешки. Но кто-то должен был оставаться здесь и зарабатывать, чтобы их старый дом в районе Мэйда-Вейл не отняли за долги или он окончательно не обветшал, если, конечно, прежде его не уничтожит бомба.

Вдалеке раздался грохот, отчего тарелки на столе задребезжали. Мари вздрогнула, инстинктивно хватаясь за противогаз, который больше никто не носил с собой с тех пор, как прекратились массовые ночные бомбежки. Она посмотрела в окно. На улице мальчишка восьми-девяти лет под дождем пытался соскрести с тротуара угольную крошку. У нее будто что-то опустилось в животе. Где его мать?

Мари вспомнила тот день более двух лет назад, когда она приняла решение отправить Тесс в деревню. Поначалу она даже мысли не допускала о том, чтобы расстаться с дочерью. Но потом в многоквартирный дом, стоявший через дорогу от их жилища, попала бомба; погибли семеро детей. Боже милостивый, ведь Тесс тоже могла погибнуть. На следующее утро Мари принялась делать соответствующие приготовления.

По крайней мере, Тесс теперь находилась с тетушкой Хейзел. Та приходилась Мари кузиной, женщиной была суровой, малышку любила. А Тесс нравился старый дом священника с его несметными шкафами, затхлыми подвалами и чердаками. В хорошую погоду она носилась без присмотра по болотистым пустошам, в плохую – помогала Хейзел с работой на почте. Мари претила сама мысль о том, чтобы посадить дочь на поезд и отослать в сельскую глушь к чужим людям – в холодный монастырь или бог знает куда еще. В прошлом году подобное она наблюдала почти каждую пятницу, когда отправлялась на север навестить Тесс: матери, едва сдерживая слезы, поправляли на своих крохах пальтишки и шарфики; малыши льнули к старшим братьям и сестрам; дети, садясь в поезд с чемоданами, которые были больше их ростом, плакали в голос и пытались улизнуть через окна вагонов. Те два часа, что Мари проводила в дороге, дабы обнять дочь, были для нее почти невыносимы. По воскресеньям свой отъезд она неизменно откладывала до позднего часа, пока Хейзел не напоминала, что ей желательно успеть на последний поезд, иначе она не вернется домой до комендантского часа. Ее дочь здравствовала, находилась в безопасности, с родными. Но оттого разлука с Тесс легче не переносилась, а сегодня только среда.

Может, пора уже забрать дочь к себе? Этот вопрос мучил Мари все последние месяцы. Она видела, что дети мало-помалу возвращаются в город. Ночные налеты немецкой авиации давно прекратились, лондонцы больше не ночевали на станциях метро, жизнь более-менее нормализовалась. Однако война отнюдь не близилась к завершению, и Мари чувствовала, что худшее еще впереди.

Отбросив в сторону сомнения, она достала из сумки книгу. Томик стихов Бодлера, которые она любила; его элегантные рифмы переносили ее в более счастливые времена – в ту пору детства, когда она с матерью летом отдыхала на побережье Бретани.

– Прошу прощения, – почти сразу же обратился к ней кто-то. Мари подняла глаза от книги, раздосадованная тем, что ей помешали. Перед ней стоял мужчина лет сорока – худощавый, внешне неприметельный, в твидовом пиджаке, в очках. На соседнем столике, из-за которого он поднялся, лежала на тарелке нетронутая булочка. – Мне стало любопытно, что вы читаете.

«Пытается заигрывать?» – подумалось Мари. К женщинам всюду приставали с тех пор, как город наводнили американские солдаты. Они вываливались из баров в самый разгар рабочего дня, перекрывали тротуары, шагая по трое в ряд,

своим громогласным хохотом разрывая тишину улиц.

Однако акцент у мужчины был британский, а кроткое выражение лица не содержало намека на непристойность. Мари показала ему обложку книги.

– Почитайте мне немного, пожалуйста, – попросил мужчина. – Боюсь, сам я французским не владею.

– Право, не думаю… – с сомнением в голосе начала она, удивленная странной просьбой.

– Прошу вас, – перебил он ее почти умоляющим тоном. – Вы окажете мне услугу.

«Почему для него это так важно? – недоумевала Мари. – Возможно, он потерял кого-то из близких и родных французской крови или сам воевал во Франции».

– Ладно, – уступила она. Прочтет ему несколько строк, от нее не убудет. И она принялась читать стихотворение «N’importe o? hors du monde (Anywhere Out of the World: Куда угодно – лишь бы прочь из этого мира)». Поначалу ее голос звучал смущенно, но постепенно окреп, обрел уверенность.

Продекламировав несколько строф, Мари остановилась.

– Ну как? – Она ждала, что незнакомец попросит ее продолжить.

А он спросил:

– Вы изучаете французский?

– Нет, – покачала она головой, – но я говорю по-французски. Моя мама была француженка, и, когда я была маленькой, каждое лето мы проводили во Франции. – В действительности, лето для нее было спасением от отца, агрессивного пьяницы, который не мог устроиться работу, а если устраивался, долго на одном месте не задерживался. Он злился на ее мать за то, что та происходила из благородной состоятельной семьи; он злился на Мари за то, что та не родилась мальчиком. Поэтому Мари с матерью на лето уезжали во Францию. Поэтому Мари в восемнадцать лет сбежала в Лондон из дома в

Херефордшире, где она выросла, и затем взяла фамилию матери. С годами отец становился только злее и раздражительнее, и она знала, что, оставшись в доме, в котором она дрожала от страха все свое детство, долго бы она не прожила.

– У вас потрясающий выговор, – заметил мужчина. – Почти идеальный.

«Как он может судить, если сам не владеет французским?» – удивилась Мари.

– Вы работаете? – полюбопытствовал он.

– Да, – выпалила она от неожиданности. Уж больно внезапно он перевел разговор на другую тему, да и вопрос задал слишком личный. Мари торопливо вскочила на ноги и принялась рыться в кошельке, выуживая монеты. – Простите, мне пора.

Мужчина тоже поднялся, и, когда она снова глянула на него, то увидела, что он протягивает ей визитную карточку.

– Простите, если я обидел вас. Просто я хотел предложить вам работу. – Мари взяла визитку. Бейкер-стрит, 64, – это все, что было на ней напечатано. Ни фамилии, ни названия учреждения. – Спросите Элеонору Тригг.

– Зачем мне это? – озадаченно промолвила она. – У меня же есть работа.

Мужчина чуть качнул головой.

– Это другое. Важная серьезная работа и как раз для вас. Вам за нее будут хорошо платить. К сожалению, это все, что я вправе вам сказать.

– Когда мне следует туда подойти? – спросила Мари, хотя идти по указанному адресу вовсе не собиралась.

– Прямо сейчас. – Она думала, что ей назначат время. – Пойдете?

Мари оставила на столе несколько монет и, не отвечая, пошла прочь из кафе, желая поскорее удалиться от навязчивого незнакомца. На улице она раскрыла зонт и, чтобы защититься от холода, плотнее укуталась в свой бордовый шарф

из набивной ткани. Она завернула за угол и, замедлив шаг, глянула через плечо – хотела убедиться, что незнакомец из кафе за ней не следует. Она посмотрела на визитку в руке: оформлена строго, в черно-белой цветовой гамме. Солидная.

Она могла бы сразу ответить незнакомцу отказом, сообразила Мари. В сущности, еще не поздно выбросить визитку и пойти своей дорогой. Но ее раздирало любопытство: что за работа, по какой линии? Может, это что-то более интересное, чем стучать на машинке с утра до вечера. К тому же это, по словам незнакомца, хорошо оплачиваемая работа, а деньги ей очень нужны.

Спустя несколько минут Мари стояла в конце Бейкер-стрит. У красного почтового ящика она помедлила. На Бейкер-стрит, вспомнилось ей, находился легендарный дом Шерлока Холмса. Эта улица ей всегда представлялась таинственной, окутанной туманом. Но протянувшийся перед ней квартал ничем не отличался от других ему подобных. Скучные административные здания с магазинами на первых этажах. Чуть дальше – кирпичные дома, из жилых переоборудованные в конторы. Она дошла до дома № 64 и остановилась в нерешительности. «Бюро межслужебных исследований», – сообщала вывеска у двери. Что бы это значило?

Она еще не постучала, а дверь уже сама собой распахнулась, и высунувшаяся из нее рука, которая, казалось, ни к кому не была присоединена, махнула влево.

– Орчард-Корт, Портмэн-сквер. За угол и прямо по улице.

– Прошу прощения… – Мари протянула визитку, хотя она не заметила никого, кто мог бы ее увидеть. – Меня зовут Мари Ру. Мне сказали, чтобы я пришла сюда и спросила Элеонору Тригг. – Дверь закрылась.

– Все занятнее и занятнее, – пробормотала она, вспомнив любимую книжку Тесс – иллюстрированное издание «Алисы в Стране чудес», которую Мари читала дочери, когда навещала ее. За углом тоже стояли в ряд дома ленточной застройки. Мари зашагала по улице в направлении Портмэн-сквер и, увидев здание с табличкой «Орчард-Корт», постучала. Ответа не последовало. Создавалось впечатление, что все это – некая очень странная шутка. Она повернулась, намереваясь отправиться домой и забыть этот дурацкий розыгрыш.

У нее за спиной со скрипом отворилась дверь. Она резко обернулась и столкнулась лицом к лицу с седовласым дворецким.

– Да? – Он холодно смотрел на нее, будто на бродячего торговца, который ходит от дома к дому, пытаясь всучить их обитателям всякую ерунду. От волнения у нее отнялся язык, поэтому она просто протянула ему визитку.

– Входите. – Свое приглашение он сопроводил соответствующим жестом. Теперь тон у него был нетерпеливый, словно ее здесь давно ждали, а она опоздала. Дворецкий повел ее через холл с высоким потолком, с которого свисала люстра, – возможно, некогда это была передняя некоего особняка.

– Подождите здесь. – Дворецкий открыл дверь с правой стороны и быстро скрылся за ней.

Мари стояла в растерянности, чувствуя себя здесь чужой и лишней. С верхнего этажа донеслись шаги. Она повернулась и увидела, что по витой лестнице спускается симпатичный парень с густой шевелюрой белокурых волос. Заметив ее, он остановился.

– Вы тоже из здешнего Балагана? – полюбопытствовал он.

– Не понимаю, о чем вы.

– Случайно забрели? – улыбнулся парень и, не дожидаясь ответа, добавил: – Балаганом мы называем все это. – Широким жестом он обвел холл.

Вернувшийся дворецкий кашлянул. Суровое выражение его лица навело Мари на мысль, что ей не следовало вступать в разговор с блондином. Тот, не сказав больше ни слова, исчез за углом, нырнул в одну из дверей, которых, казалось, здесь тьма тьмущая.

Дворецкий повел ее по коридору и открыл дверь в уборную, выложенную ониксовой и белой плиткой. Мари обескураженно обернулась: она не просила проводить ее в туалет.

– Ждите здесь.

Дворецкий закрыл дверь, оставив ее в одиночестве. Мари даже не успела возмутиться. Она смущенно топталась на месте, вдыхая затхлость плесени, которую не перебивал даже запах чистящих средств. Ей предложили подождать в туалете! Теперь у Мари было одно желание – уйти отсюда как можно скорее, но она не представляла, как это сделать. Она присела на краешек ванны, стоявшей на когтеобразных ножках, и аккуратно скрестила лодыжки. Миновало пять минут, потом – десять.

Наконец дверь со щелчком отворилась, и в ванную вошла женщина со строгим лицом. Она была старше Мари лет на десять, а может, и на все двадцать. Поначалу Мари показалось, что у нее короткая стрижка, но, приглядевшись, она увидела, что темные волосы женщины собраны на затылке в тугой пучок. Косметикой она не пользовалась, украшений не носила, а ее накрахмаленная белая сорочка была безукоризненно отутюжена, почти по-военному.

– Элеонора Тригг, – отрывисто представилась женщина. – Я отвечаю за набор новых сотрудников. Простите, что приходится принимать вас здесь. Нам не хватает помещений.

Странное объяснение, – подумалось Мари, – ведь дом огромный, столько дверей. Но потом она вспомнила блондина, которому дворецкий выказал свое недовольство за то, что он вступил с ней в беседу. Возможно, те, кто приходят сюда, не должны встречаться друг с другом.

Элеонора скользила по Мари холодным безжалостным взглядом, оценивая ее, словно вазу или ювелирное украшение.

– Значит, вы решились? – спросила она уточняющим тоном, будто они заканчивали долгий разговор, а не познакомились всего полминуты назад.

– Решилась? – недоуменно повторила Мари.

– Да. Вы должны решить, готовы ли вы рисковать жизнью, а я – можно ли это допустить.

У Мари гудела голова.

– Простите… Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– То есть вы не знаете, что это за организация? – Мари покачала головой. – Зачем же вы пришли?

– Какой-то человек в кафе дал мне визитку, и… – Мари замялась, понимая, сколь нелепо звучит ее объяснение, ведь она даже имени его не спросила. – Я, пожалуй, пойду. – Она выпрямилась во весь рост.

Женщина твердой рукой взяла ее за плечо.

– Не спешите. Пусть вы не знаете, зачем вы сюда пришли, но это не значит, что вам здесь не место. Зачастую мы находим свое назначение там, где меньше всего ожидали его найти – или не находим. – Стиль общения у нее был бесцеремонный, неженственный и безапелляционно жесткий. – Не вините того, кто направил вас сюда. Он не был уполномочен раскрыть вам подробности. Наша работа строго засекречена. Даже многие высокопоставленные чиновники Уайтхолла не имеют представления о том, чем мы занимаемся.

– А чем конкретно вы занимаетесь? – осмелилась поинтересоваться Мари.

– Мы – отделение Управления спецопераций.

– А-а, – протянула Мари, хотя этот ответ Элеоноры Тригг ничего не прояснил.

– Проводим секретные операции.

– Как дешифровщики в Блетчли[6 - Блетчли-парк (Bletchley Park), также известный как Station X, – особняк, расположенный в Блетчли (ныне в составе города Милтон-Кейнс) (графство Бэкингемшир в центре Англии). В период Второй мировой войны в Блетчли-парке располагалось главное шифровальное подразделение Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров, позже получившая название «Центр правительственной связи». Там взламывались шифры и коды стран Оси.]? – Она была знакома с одной девушкой, которая перешла туда из машинописного бюро.

– Что-то вроде. Только мы занимаемся реальными операциями. В тылу противника.

– В Европе? – Элеонора кивнула. И тогда Мари поняла: ее хотят забросить за линию фронта, в самое пекло войны. – То есть я стану шпионкой?

– У нас не принято задавать вопросы, – отрезала Элеонора. Значит, подумала Мари, ей здесь не место. Ее всегда отличала любознательность. Она слишком пытлива, говорила ее мать. Подростком Мари вечно изводила родителей вопросами, чем сильно раздражала отца. – Мы не шпионы, – добавила Элеонора, словно сама эта мысль была для нее оскорбительна. – Шпионаж – вотчина Эм-ай-6. А мы в УСО скорее занимаемся подрывной деятельностью, готовим диверсии на железных дорогах, уничтожаем телеграфные линии, заводское оборудование и все такое, чтобы воспрепятствовать продвижению немцев. А еще мы помогаем местным партизанам оружием и оказываем поддержку в их борьбе с оккупантами.

– Никогда о таком не слышала.

– Разумеется. – В голосе Элеоноры слышались довольные нотки.

– Но почему вы решили, что я гожусь для такой работы? У меня ведь нет соответствующей квалификации.

– Чепуха. Вы умны, обладаете необходимыми способностями. – Как эта женщина может судить о ее уме и способностях, если они только что познакомились? Наверно, впервые в жизни Мари давали столь лестную характеристику. Отец всегда внушал ей, что она никчемная дура. И Ричард, ее муж, скрывшийся в неизвестном направлении, относился к ней как к мимолетному увлечению, и вот к чему это все привело. Мари никогда не считала себя ни умной, ни одаренной способностями, но теперь выпрямила спину, расправила плечи. – Вы владеете французским языком. Вы – именно тот человек, который нам нужен. Вы играете на музыкальных инструментах? – осведомилась Элеонора.

Странный вопрос, подумала Мари, хотя, казалось бы, теперь уже ничто не должно ее удивлять.

– В детстве играла на фортепиано, в школе – на арфе.

– Возможно, это пригодится. Откройте рот, – велела Элеонора неожиданно резким тоном. Мари была уверена, что она ослышалась. Но лицо Элеоноры было серьезно. – Рот, – снова скомандовала она с настойчивостью и раздражением в голосе. Мари неохотно подчинилась. Элеонора осматривала ее ротовую полость, словно стоматолог. Мари кипела от негодования, возмущенная бесцеремонностью женщины, с которой она познакомилась несколько минут назад. – Ту заднюю пломбу придется удалить, – решительно заявила Элеонора, отступая назад.

– Удалить?! – чуть ли не взвизгнула в испуге Мари. – Но это очень прочная пломба. Мне ее поставили всего год назад, и за немалые деньги.

– В том-то и дело. Пломба слишком дорогая. Она сразу выдаст в вас англичанку. Мы заменим ее на фарфоровую. Такие в ходу у французов.

И тогда в голове у Мари все сложилось: интерес незнакомца в кафе к ее познаниям во французском языке, замечание Элеоноры относительно ее пломбы.

– Вы хотите, чтобы я выдала себя за француженку?

– Да, в числе прочего. Вы пройдете курс спецподготовки, затем вас отправят на задание, – при условии, что вы овладеете необходимыми навыками. – Элеонора говорила так, будто Мари уже дала согласие. – Это все, что я могу пока сказать. Секретность крайне важна для наших операций.

Отправят на задание. Операции. У Мари кружилась голова. С трудом верилось, что в этом элегантном особняке, всего в нескольких шагах от магазинов и суеты Оксфорд-стрит, разрабатывается стратегия и тактика тайной войны против Германии.

– Через час сюда подъедет машина, и вас отвезут в центр спецподготовки, – сказала Элеонора, словно все уже было решено.

– Прямо сейчас? Я не могу так сразу! Мне нужно уладить свои дела, собрать вещи.

– У нас так заведено, – ответила Элеонора. Возможно, подумалось Мари, они специально не отпускают домой завербованных, чтобы у тех не было возможности передумать. – Мы обеспечим вас всем необходимым и от вашего имени уведомим Военное министерство.

Мари в изумлении уставилась на Элеонору. Она ведь не говорила, где работает. И тогда она поняла, что этим людям, кто бы они ни были, слишком много известно про нее. Встреча в кафе была не случайной.

– Долго я буду отсутствовать? – спросила Мари.

– Это зависит от характера задания и множества других обстоятельств. Вы можете уволиться в любое время.

Уходи, настаивал внутренний голос. Мари ввязывалась в нечто более грандиозное и серьезное, чем ей представлялось. Но ноги словно приросли к полу, ее снедало любопытство.

– У меня есть дочь. Ей пять лет. Она живет с моей тетей близ Или.

– А муж?

– Погиб на войне, – солгала она. В действительности, отец Тесс, Ричард, был безработным актером, подвизался в массовках в театрах Вест-Энда; он исчез сразу же после того, как родилась Тесс. В восемнадцать лет Мари сбежала из отцовского дома в Лондон и сразу же польстилась на первое гнилое яблоко, что упало к ее ногам. – Пропал без вести под Дюнкерком. – Такое объяснение, даром что откровенная ложь, было предпочтительнее вероятной правды: что он находился в Буэнос-Айресе, тратил остатки ее наследства, доставшегося ей от матери, поскольку, когда они только поженились, она переложила все деньги на их совместный счет, предназначенный для покрытия расходов на жилье.

– О вашей дочери есть кому позаботиться? – Мари кивнула. – Хорошо. Иначе вы не смогли бы сосредоточиться на учебе, все время беспокоились бы за нее.

Она всегда будет тревожиться за Тесс, заметила про себя Мари. Сразу видно, что у Элеоноры своих детей нет.

Мари подумала про дочь, живущую теперь в деревне, про свои визиты туда по выходным, которые прекратятся, если она примет предложение Элеоноры. Какая мать решилась бы на такое? Она поступила бы ответственно, если б осталась в Лондоне, поблагодарила бы Элеонору и вернулась бы к привычной жизни, насколько жизнь могла быть привычной во время войны. Тесс она воспитывала одна. Если она по какой-то причине не сможет вернуться, у ее дочери не останется никого, кроме стареющей тетушки Хейзел, которая, конечно же, не сможет долго заботиться о ней.

– Платить вам будут десять фунтов в неделю, – добавила Элеонора.

В пять раз больше того, что Мари зарабатывала машинисткой. Она устроилась на самую высокооплачиваемую работу, какую сумела найти в Лондоне, но этих денег все равно не хватало. Даже с учетом подработки, из-за которой она не смогла бы навещать Тесс по выходным, она все равно не получала бы столько, сколько предложила ей Элеонора. Мари произвела в уме расчеты. До сего дня практически все свое жалованье она еженедельно отдавала Хейзел на содержание Тесс. Теперь же у нее еще будут оставаться деньги на то, чтобы подремонтировать дом – прежде об этом не могло быть и речи. Она представила, как покупает дочери новое платье и, может быть, несколько игрушек на Рождество. Тесс не была избалованным ребенком, никогда ничего не клянчила, но Мари частенько жалела, что не в состоянии дать дочери того, что сама она в детстве принимала как должное. В сущности, из-за работы, будучи привязанной к Лондону, она так и так не могла все время быть с Тесс. И, говоря по чести, Мари влекли таинственные приключения, что сулила ей Элеонора. Здесь, в Лондоне, она чувствовала себя никчемной, целыми днями просиживая за печатной машинкой. А ведь она могла бы приносить реальную пользу, внести свой вклад в победу, – если, как отметила Элеонора, она обладает необходимыми качествами.

– Что ж, ладно. Я готова. Только мне нужно позвонить тете и сообщить, что я не смогу к ним приезжать.

– Исключено, – категорично заявила Элеонора, качая головой. – Никто не должен знать, куда вы отправляетесь – или вообще куда-то уезжаете. Мы телеграммой уведомим ваших родных, что вас направили в командировку.

– Я не могу просто взять и уехать, ничего им не сказав.

– Именно так вы и должны поступить: просто взять и уехать. – Элеонора спокойно смотрела на нее. Выражение ее лица не изменилось, но Мари заметила искорки сомнения в глубине ее глаз. – Если вы не готовы пойти на это, я вас больше не задерживаю.

– Я должна поговорить с дочерью. Я никуда не поеду, пока не услышу ее голос.

– Хорошо, – наконец смягчилась Элеонора. – Только не говорите, что уезжаете. Можете воспользоваться телефоном в соседней комнате. Долго не болтайте. Не более пяти минут. – Тон Элеоноры подразумевал, что Мари теперь находится у нее в подчинении, принадлежит ей на правах собственности. Мари охватили сомнения: а не совершила ли она ошибку, приняв ее предложение? – Ни слова об отъезде, – повторила Элеонора. Мари чувствовала, что ее подвергают некоему испытанию, – возможно, одному из многих, которые ей предстоит пройти.

Элеонора направилась к выходу, жестом велев Мари следовать за ней.

– Подождите, – остановила ее та. – Еще кое-что. – Элеонора обернулась. В ее чертах начинало сквозить раздражение. – Вы должны знать, что мой отец происходит из семьи немцев. – Мари внимательно смотрела на Элеонору. В глубине души она надеялась, что эта информация заставит Элеонору изменить свое решение насчет Мари, для каких бы целей ее ни вербовали.

– Знаю, – кивнула Элеонора.

– Но откуда?

– Вы каждый день сидите в одном и том же кафе, верно? – Мари кивнула. – Между прочим, зря. Ужасная привычка. Никаких привычек и шаблонов. В общем, вы приходили, садились и читали книжки на французском. Один из наших людей обратил на это внимание и подумал, что вы, возможно, подходящая кандидатура. Мы проследили за вами до места вашей работы, выяснили, кто вы такая. Проверили по нашей картотеке и решили, что вы нам подходите, во всяком случае, в качестве кандидатуры для рассмотрения. – Мари была ошеломлена: она даже не догадывалась, сколь бурная деятельность происходит за ее спиной. – У нас есть специально обученные люди, которые занимаются подбором подходящих для нас девушек по всей стране. Но в конечном итоге кто нам подходит, а кто – нет, решаю я. Каждая из девушек проходит через меня. – В

ее голосе слышались покровительственные нотки.

– И вы считаете, что я вам подхожу?

– Возможно, – осторожно ответила Элеонора. – У вас есть необходимые данные. Но в период подготовки вам предстоит доказать, что вы способны их применять. Таланты и навыки на бумаге не имеют цены, если вам не хватает смелости проявить их в деле. Вы принадлежите к какой-то политической партии?

– Нет. Мама считала…

– Достаточно, – резко перебила ее Элеонора. – Отвечайте кратко, не болтайте лишнего. – Еще один тест. – Вы никогда не должны рассказывать о себе или о своем прошлом. В период обучения вам будут присвоены новые личные данные.

И получится, сообразила Мари, что до сей поры ее вовсе не существовало.

Элеонора открыла дверь туалета. Мари прошла в кабинет с высокими книжными шкафами. На письменном столе из красного дерева стоял черный телефон.

– Можете звонить отсюда. – Элеонора осталась стоять в дверях, даже не делая вид, будто не намерена слушать ее разговор. Мари позвонила на коммутатор и сказала, чтобы ее соединили с почтовым отделением, где каждый день работала ее тетя. Она надеялась, что та еще не ушла домой. Женщину, которая ей ответила, она попросила пригласить к телефону Хейзел.

– Мари! – раздался в трубке переливчатый голос. – Что-то стряслось?

– Все хорошо, – поспешила заверить Мари тетю, хотя ей отчаянно хотелось открыть истинную причину своего звонка. – Просто хотела справиться о Тесс.

– Сейчас позову. – Прошла одна минута, вторая. Быстрее, молила про себя Мари. Неужели по истечении пяти минут Элеонора выхватит у нее трубку?

– Алло! – Услышав писклявый голос дочери, Мари ощутила, как ее сердце расширяется от избытка чувств.

– Ну, как ты поживаешь, родная?

– Мама, я помогаю тете Хейзел разбирать почту.

Мари улыбнулась, представляя, как девочка открывает-закрывает ящички для корреспонденции.

– Умница.

– А через два дня я снова тебя увижу. – Тесс, хоть и малышка, имела четкое понятие о времени. Мама, она знала, всегда приезжает в пятницу. Только в эту пятницу мама не приедет. У Мари болезненно сжалось сердце.

– Передай трубку тете. Тесс, я тебя люблю, – добавила она.

Но девочка уже убежала.

К телефону снова подошла Хейзел.

– Она здорова? – спросила Мари.

– Абсолютно. Научилась считать до ста и складывать числа. Такая умница. Представляешь, на днях она… – Хейзел осеклась, видимо, почувствовав, что лишь расстраивает Мари, рассказывая ей про достижения ее дочери, которых та добивалась в отсутствие матери. Мари кольнула ревность. Когда Ричард бросил ее, оставив одну с новорожденной дочерью, Мари была в ужасе. Но, пестуя, баюкая малышку долгими ночами, она душой срослась с Тесс. А потом ей пришлось отослать дочь из Лондона. Она проклинала эту чертову войну, которая лишала ее счастья наблюдать, как растет Тесс. – Да в выходные сама все увидишь, – с теплотой в голосе добавила Хейзел.

Слова тети болью отозвались в животе, словно ее ударили под дых.

– Мне пора.

– До скорой встречи, – ответила Хейзел.

Опасаясь, как бы не выдать своей тайны, Мари повесила трубку.

Глава 4

Грейс

Нью-Йорк, 1946 г.

Покинув Центральный вокзал, через сорок пять минут Грейс уже сходила с автобуса на Деланси-стрит. Фотографии, что она забрала из чемодана, казалось, обжигали ее даже сквозь сумку. Она все ждала, что ее вот-вот догонит полиция или еще кто-нибудь и потребует вернуть снимки.

Но теперь, когда она шла по оживленным улицам Нижнего Ист-Сайда, где она работала последние несколько месяцев, утро ей казалось почти нормальным. На углу, как обычно, торговал хот-догами Морти. Он поприветствовал ее взмахом руки. Чистильщики окон перекрикивались между собой, делясь впечатлениями о проведенных выходных, и свистели женщинам, что шли внизу по тротуару. Нос Грейс щекотали обалденно аппетитные запахи, выплывавшие из гастрономической лавки «Реб Сассел».

Вскоре она приблизилась к одному из офисных зданий (прежде это был жилой дом) на Орчард-стрит и стала взбираться по лестнице. После крутого подъема она, как всегда, запыхалась – не отдышаться. Фирма «Бликер и сыновья», оказывавшая юридические услуги иммигрантам, находилась на четвертом этаже, над лавкой галантерейщика и бухгалтерской конторой, занимавшей два этажа. Название фирмы, вытравленное на стеклянной двери на верхней лестничной площадке, не отражало истинное положение вещей: насколько было известно Грейс, возглавлял ее – и прежде и теперь – один только Фрэнки. На лестнице змейкой тянулась очередь из пятнадцати беженцев; впалые щеки, теплые пальто, одежда в несколько слоев, словно они боялись расстаться со своими вещами. Осунувшиеся лица измучены заботами. Все прячут глаза. Грейс отметила, что от беженцев исходит запах немытых тел, и тут же устыдилась своих мыслей.

– Прошу прощения, – произнесла она, аккуратно обходя сидящую на полу женщину, у которой на коленях спал ребенок. Она скользнула в офис. Их контора занимала всего одну комнату. На краешке обшарпанного стола сидел Фрэнки, плечом прижимая к уху трубку телефона. Он широко улыбнулся ей и махнул рукой в знак приветствия.

– Простите за опоздание, – извинилась Грейс, как только он повесил трубку. – Возле Центрального вокзала случилась авария, пришлось идти в обход.

– Семью Мец я передвинул на одиннадцать, – сообщил Фрэнки без всякого упрека в голосе.

Подойдя к нему ближе, Грейс увидела, что щека у него мятая, на ней отпечатались края бумаги.

– Опять всю ночь здесь проторчали, да? – укоризненно спросила она. – И не отпирайтесь, на вас тот же костюм. – И тут же пожалела о своих словах. Сама-то она тоже явилась на работу во вчерашнем наряде. Дай бог, чтобы он не заметил.

Фрэнки вскинул ладони, признавая ее правоту, и коснулся скулы под самым виском, на котором в темных волосах серебрилась седина.

– Виноват. Пришлось задержаться. Готовил документы для Вайсманов: им нужно оформить вид на жительство и получить жилье. – Фрэнки был неутомим, помогая людям, словно его собственное благополучие не имело никакого значения.

– Ну все, документы подготовлены. – Грейс старалась не думать о том, чем она занималась, пока он работал всю ночь. – Вам нужно поспать.

– Как-нибудь обойдусь без ваших нотаций, мисс, – проворчал он с более явственным, чем обычно, бруклинским акцентом.

– Отдых вам необходим. Езжайте домой, – настаивала Грейс.

– А им что сказать? – Он мотнул головой в сторону очереди, выстроившейся в коридоре.

Грейс глянула через плечо на нескончаемую череду страждущих, заполнивших лестничный колодец. Порой ее это жутко угнетало. Клиентуру Фрэнки составляли главным образом европейские евреи, приезжавшие сюда, чтобы поселиться у родственников, которые сами ютились в переполненных многоквартирных домах в Нижнем Ист-Сайде; иногда создавалось впечатление, что он не юридические услуги оказывает, а исполняет обязанности социальной службы. Фрэнки не отказывал в помощи никому из беженцев: пытался отыскать их родственников или имущество, а также получить документы о предоставлении гражданства – зачастую за чисто символическую плату. Но Грейс он жалование выдавал исправно, и она нередко задавалась вопросом, как ему удается платить за электроэнергию и аренду помещения.

И как самому удается не загнуться. Воротник его белой рубашки пожелтел, сам он, как всегда, весь был покрыт испариной, отчего казалось, будто он сияет. Фрэнки было под пятьдесят. Закоренелый холостяк («Да кому я нужен?» – любил шутить он), Фрэнки всегда имел неряшливый вид и даже в десять часов утра выглядел таким же утомленным, как и в пять вечера. Расческа редко касалась его волос. Но сердиться на него было невозможно, потому что его карие глаза лучились теплом, а мимолетная улыбка была столь заразительна, что Грейс невольно и сама начинала улыбаться.

– Позавтракали хотя бы, – сказала она. – Давайте сбегаю куплю вам бублик.

Фрэнки отмахнулся.

– Лучше найди-ка мне телефон социальной службы в Куинсе, – попросил он. – А я хочу освежиться до начала приема.

– Вот заболеете, и что тогда будут делать наши клиенты? – пожурила его Грейс.

Но Фрэнки в ответ лишь улыбнулся и пошел в уборную. Проходя мимо мальчишки, сидевшего на лестничной площадке, он взъерошил ему волосы и сказал:

– Подожди еще минутку, ладно, Сэмми?

Грейс взяла пепельницу, что стояла на углу стола, выбросила из нее окурки и затем вытерла со стола нападавший пепел. Они с Фрэнки в каком-то смысле

нашли друг друга. Она тогда снимала узкую комнатушку близ реки Уэст-Ривер, в одном из домов, что стояли в переулке, отходившем от 54-й улицы. Денег у нее было немного, она их быстро потратила и принялась искать работу, фактически не владея никакими профессиональными навыками. Только на машинке печатать умела – в школе научилась, посещая уроки машинописи. Бухгалтерской конторе, что находилась в этом здании, требовался секретарь. Она пришла по объявлению и по ошибке забрела в юридическую фирму Фрэнки. Он сказал, что ищет помощника (так ли это было, она до сих пор не знала), и на следующий день Грейс приступила к работе.

Очень скоро она убедилась, что на самом деле Фрэнки мог бы прекрасно обойтись и без нее. Помещение, что он арендовал под офис, было маленьким – им с трудом удавалось разместиться в нем вдвоем. Несмотря на то что бумаги, казалось, были навалены беспорядочными кучами, Фрэнки в считаные секунды находил нужный документ. Работа была изнурительная, но он вполне мог бы справиться один, как, впрочем, справлялся многие годы до появления Грейс. Да, она была совершенно не нужна ему. Но он почувствовал, что Грейс остро нуждается в заработке, и нашел ей место в своей фирме. За это она его любила.

В кабинет вернулся Фрэнки.

– Готова? – спросил он. Грейс кивнула, по-прежнему мечтая поехать домой, принять ванну, поспать или хотя бы выпить кофе. Но Фрэнки решительно шел к своему столу, ведя за собой мальчика-подростка с лестничной площадки.

– Сэмми, это Грейс, мой товарищ. Грейс, позволь представить тебе Сэма Альтшулера.

Грейс устремила взгляд мимо мальчика на дверь. Она ждала, что придет целая семья или что мальчика хотя бы будет сопровождать кто-то из взрослых.

– Мать? Отец? – одними губами уточнила она у Фрэнки незаметно для Сэмми.

Тот печально покачал головой.

– Садись, сынок, – ласково сказал он Сэмми, который на вид был не старше десяти лет. – Чем мы можем тебе помочь?

Сэмми настороженно смотрел на них из-под длинных ресниц, не зная, можно ли им доверять. Грейс заметила, что в правой руке он держит маленький блокнотик.

– Ты любишь писать? – поинтересовалась она.

– Рисовать, – ответил Сэмми с ярко выраженным восточноевропейским акцентом. Он протянул ей блокнот, показывая свой набросок – очередь на лестнице.

– Чудесный рисунок, – похвалила Грейс. Детали и выражения лиц были переданы поразительно точно.

– Так чем мы можем тебе помочь? – повторил свой вопрос Фрэнки.

– Мне нужно где-то жить. – Говорил он на ломаном, но вполне понятном английском, который, вероятно, выучил самостоятельно, как все смышленые дети.

– Здесь в Нью-Йорке у тебя есть родственники? – осведомился Фрэнки.

– Двоюродный брат. Он снимает квартиру в Бронксе вместе с несколькими парнями. Но там надо платить два доллара в неделю, если я хочу жить с ними.

«Где же он жил до сих пор?» – подумала Грейс.

– А где твои родители? – спросила она, не удержавшись.

– С папой я расстался в Вестерборке. – Вестерборк – это транзитный лагерь, вспомнила Грейс. Об этом она узнала от одной семьи, которой они помогали несколько недель назад. – Мама прятала меня, сколько могла, в женских… – Он запнулся, подбирая подходящее слово. – В бараках. Но потом ее тоже забрали. Больше я ее не видел.

Грейс внутренне содрогнулась, пытаясь представить, как ребенок боролся за выживание, оказавшись в столь чудовищном положении.

– Возможно, они живы, – попробовала она приободрить мальчика. Фрэнки сверкнул на нее предостерегающим взглядом поверх головы Сэмми.

Выражение лица мальчика оставалось неизменным.

– Их увезли на восток, – отвечал он монотонным голосом. – Оттуда не возвращаются.

«Как жить на свете ребенку, потерявшему всякую надежду?» – ужаснулась Грейс.

Она попыталась сосредоточиться на практической стороне вопроса.

– Знаешь, в Нью-Йорке есть специальные дома для проживания детей.

– Нет, в детский приют я не пойду, – запаниковал Сэмми. – В сиротский дом не пойду.

– Грейс, можно тебя на минутку? – Фрэнки жестом пригласил ее отойти в угол комнаты, подальше от Сэмми. – Мальчик два года провел в Дахау. – Грейс похолодела, представляя, каких ужасов пришлось насмотреться маленькому Сэмми. – И потом еще полгода в лагере для перемещенных лиц, – продолжал Фрэнки, – пока он наконец не добрался сюда по документам другого мальчика, тот умер. Он ни за что не согласится жить в каком-нибудь учреждении, где ему снова могут причинить боль.

– Но он нуждается в опекунах, ему необходимо учиться… – возразила Грейс.

– Ему необходимо безопасное пристанище, – мягко ответил Фрэнки. Всего-то, с грустью подумала она, только бы выжить. Никто даже не говорит про то, что у ребенка должна быть семья, чтобы его любили. Будь у нее своя квартира, она забрала бы Сэмми к себе.

Фрэнки вернулся к мальчику.

– Сэмми, мы начнем готовить документы о признании твоих родителей умершими, чтобы ты мог получать пособие по программе социального

обеспечения, – объявил он ему сухим деловым тоном. Не потому что Фрэнки была безразлична судьба мальчика. Он помогал клиенту (хоть и совсем юному) получить то, то ему было необходимо.

– Сколько времени это займет? – спросил Сэмми.

– Процедура эта не быстрая, – нахмурился Фрэнки, доставая из бумажника пятьдесят долларов. Грейс едва не охнула. По меркам их малодоходного предприятия это была огромная сумма, с которой Фрэнки едва ли мог позволить себе расстаться. – На какое-то время тебе этого должно хватить, чтобы оплачивать проживание вместе с твоим двоюродным братом. Деньги держи при себе, никому их не отдавай на хранение. Зайди ко мне через пару недель – или раньше, если у тебя что-то не сложится с братом, ясно?

Сэмми с сомнением смотрел на деньги.

– Я не знаю, когда смогу вернуть вам долг, – сказал он серьезным не по годам тоном.

– А ты продай мне свой рисунок? – предложил Фрэнки. – И мы будем в расчете. – Мальчик аккуратно вырвал из блокнота листок с рисунком и взял деньги.

Грейс со щемящим сердцем смотрела вслед покидающему кабинет Сэмми. Она читала в газетах и слышала в «Новостях» истории – сперва их было мало, потом становилось все больше и больше – об убийствах и зверствах, творившихся в Европе, а здесь люди ходили в кино и жаловались на дефицит нейлоновых чулок. Но лишь после того, как она поступила на работу в фирму Фрэнки и увидела лица пострадавших от войны, она начала осознавать подлинный масштаб несчастий. Она старалась держать дистанцию со своими клиентами, понимая, что, если приоткроет для них свое сердце, хотя бы на щелочку, боль уничтожит ее. Но потом она встречала кого-то вроде Сэмми и уже не могла совладать со своими чувствами.

Фрэнки встал рядом и положил руку ей на плечо.

– Это тяжело, я знаю.

Она повернулась к нему:

– Как вам это удается? Как вы это выдерживаете? – Фрэнки много лет помогал людям восстанавливать из руин свою жизнь.

– Верный способ – уйти с головой в работу. Кстати, Беккерманы уже ждут.

Следующие несколько часов представляли собой череду собеседований. Одни велись на английском, другие она переводила с французского и на французский, используя весь свой багаж школьных знаний; с некоторыми беженцами Фрэнки общался на беглом немецком языке, которому, по его словам, он выучился у бабушки. Грейс лихорадочно записывала под диктовку Фрэнки все, что требовалось сделать для каждого клиента. Но в коротких паузах между встречами она мыслями возвращалась к чемодану, который нашла на вокзале утром. Почему его бросили? Что случилось: хозяйка чемодана (одежда и туалетные принадлежности, что лежали в нем, убедили Грейс, что он принадлежит женщине) забыла его по случайности или она заранее знала, что не вернется за своими вещами? Может быть, чемодан специально оставили, чтобы его забрал кто-то другой?

– Давай, может, прервемся на обед? – предложил Фрэнки около часу дня. Конечно, имел он в виду следующее: Грейс пойдет обедать, а он продолжит работать, в лучшем случае съест то, что она ему принесет. Но спорить она не стала. У нее самой с утра крошки во рту не было, вспомнила Грейс, спускаясь по лестнице.

Спустя десять минут она уже ступала на плоскую крышу здания, где она любила обедать, если погода позволяла. Оттуда открывался панорамный вид на Средний Манхэттен, раскинувшийся к востоку от реки. Город начинал походить на гигантскую стройплощадку: на всем пространстве от центральной части острова, где возводились небоскребы, до самой окраины Ист-Виллиджа, где вырастали многоквартирные жилые дома, высились строительные краны. Из магазина тканей «Заринс Фэбрик» вышла на обеденный перерыв стайка девушек – все длинноногие и модные, несмотря на годы вещевого и продуктового дефицита. Некоторые из них даже курили. Сама Грейс к курению относилась отрицательно, но ей хотелось бы хоть чуть-чуть соответствовать им. Казалось, они абсолютно уверенны в том, что находятся на своем месте. А она чувствовала себя приезжей, у которой вот-вот истечет срок визы.

Грейс протерла покрытый копотью подоконник и села, думая о фотографиях в своей сумочке. За утро ей несколько раз приходило в голову, что она, возможно, выдумала их, но, когда она полезла в сумку, чтобы взять несколько монет на обед, то увидела, что снимки, аккуратно обвязанные кружевной ленточкой, лежат там же, куда она их сунула. Ей хотелось принести фотографии с собой и просмотреть их за обедом, но на крыше обычно бывало ветрено, и она побоялась, что они разлетятся.

Грейс развернула хот-дог, который купила с лотка на улице. Конечно, она с бо?льшим удовольствием съела бы сэндвич с яйцом и листьями салата, какой обычно брала с собой из дома. Ей нравилось, что в ее жизни существовала некая упорядоченность, она придавала ей силы. Теперь же эта упорядоченность была нарушена. Пустившись во все тяжкие минувшим вечером, она сместила один кирпичик в мозаике своего жизненного уклада (всего один, но главный), и сразу вся конструкция, казалось, рухнула.

Она посмотрела вдаль, в сторону одного из районов за пределами центра города, и взгляд наткнулся на некое высотное здание, стоявшее на берегу Ист-Ривер. Здание дорогого отеля, в котором она провела минувшую ночь, Грейс не видела, но хорошо представляла его в своем воображении. Все началось довольно невинно. По дороге домой с работы Грейс зашла в ресторан «У Арнольда» на 53-й улице, мимо которого она ходила десятки раз, потому что на ее полочке в холодильнике совместного пользования, что стоял на общей кухне в меблированных комнатах, кончились продукты. Она собиралась просто попросить, чтобы ей завернули что-нибудь с собой на ужин – например кусочек жареного цыпленка с картофелем. Но барная стойка из красного дерева, мягкое освещение и тихая музыка создавали манящую уютную атмосферу. Она представила, как снова ужинает в одиночестве, сидя в своей тесной каморке, и ее такая тоска взяла.

– Принесите, пожалуйста, меню, – попросила Грейс метрдотеля. У того глаза на лоб полезли. Грейс направилась к бару, стараясь игнорировать взгляды мужчин, которые с удивлением смотрели на женщину, пришедшую ужинать в ресторан без спутника.

А потом она заметила его. За барной стойкой с самого краю боком к ней сидел мужчина в элегантном сером костюме. Широкоплечий, с коротко постриженными курчавыми каштановыми волосами, уложенными в прическу с помощью помады. В ней всколыхнулся давно позабытый интерес. Мужчина

повернулся, встал, и лицо его внезапно оживилось.

– Грейс?

– Марк… – Она не сразу сообразила, кто этот человек. Он был из другого мира. Марк Дорф учился вместе с Томом в Йельском университете и жил с ним в одной комнате.

К ней возвращались воспоминания, и она осознала, что для Тома Марк был не просто соседом по комнате. Он считался его лучшим другом. Его всегда можно было видеть среди моря парней в синих шерстяных блейзерах на важных университетских мероприятиях и вечерах встреч выпускников, хотя он был старше Тома на два года. Марк даже на свадьбе ее присутствовал. Но в принципе она никогда с ним толком не общалась – это был их первый настоящий разговор с глазу на глаз.

– Не знал, что ты живешь в Нью-Йорке, – произнес он.

– А я здесь и не живу. В общем-то. – Она судорожно подбирала верные слова. – То есть живу, но временно. А ты?

– А я в Вашингтоне. Сюда приехал на несколько дней, по работе. Завтра возвращаюсь. Я ужасно рад тебя видеть, Грейси. – Это уменьшительное имя придумали ей родные, а затем и Том, но ее всегда коробило, когда она слышала «Грейси» из уст мужа. Такое обращение казалось ей уничижительным, будто ей напоминали, чтобы она знала свое место. Но сейчас, когда она услышала его, ее словно теплом обволокло, и она поняла, как ей этого не хватало на протяжении всех тех месяцев, что она жила одна в Нью-Йорке. – Как ты живешь?

И снова этот самый вопрос, который неизменно повергал ее в трепет с тех пор, как погиб Том. Все, кто знал о постигшем ее горе, в разговоре с ней всегда пытались придать своим голосам «правильную» степень участливости, подбирая некий сердечно-ненавязчивый тон. Однако в чертах Марка сквозила обеспокоенность, выдавая его искреннюю заинтересованность.

– Дурацкий вопрос, – добавил он, не дождавшись от нее ответа. – Извини.

– Все нормально, – быстро сказала Грейс. – Справляюсь. – Ей действительно стало легче. В Нью-Йорке она не видела мест, которые напоминали бы о Томе, что позволяло ей отрешиться от прошлого, по крайней мере, на время. В сущности, отчасти затем она и переехала в Нью-Йорк – чтобы избавиться от оцепенения, чтобы забыться. Однако сейчас, когда она осознала это, ее кольнуло чувство вины.

– Прости, что не был на похоронах. Я тогда еще не вернулся из-за океана. – Марк опустил голову. Черты у него не совершенные, отметила Грейс. Ореховые глаза посажены чуть ближе, чем нужно, подбородок острый. Но в совокупности они создавали эффект красивого лица.

– Все происходило как в тумане, – призналась она. – Но твои цветы… – Его огромный букет выделялся среди остальных. – Это было очень любезно с твоей стороны.

– Это самое малое, что я мог сделать. Том погиб так нелепо. Обидно. – По его лицу Грейс видела, что он глубоко переживает гибель друга. Марк отличался от других парней в Йеле, вспомнила Грейс, и ей так казалось не потому, что Том считал его своим лучшим другом. Он был чуть степеннее других, но эта степенность была обусловлена уверенностью в себе, а не робостью. – Мы собираемся учредить стипендиальный фонд, который будет носить его имя.

Прошлое, казалось, наступало на нее со всех сторон, и Грейс внезапно охватило острое желание умчаться прочь.

– Что ж, рада была повидаться.

– Погоди. – Марк тронул ее за руку. – Не уходи пока. Приятно поговорить с кем-то, кто знал Тома.

Грейс ничего приятного в этом не находила, но села, позволив бармену налить ей солидную порцию бренди. В какой-то момент Марк ближе придвинулся к ней на табурете, но с его стороны это не выглядело ни наглостью, ни самонадеянностью. И с той минуты вечер начал обретать некую мягкую расплывчатость. Позже она сообразила, что на самом деле тот ресторан был больше похож на бар. Чем она думала, когда решила зайти туда? Ведь года еще не прошло, как она стала вдовой; негоже ей вести беседы с незнакомыми

мужчинами.

Впрочем, Марк – не незнакомец. Он знал Тома, действительно знал, и она, слушая его рассказы, невольно увлеклась.

– В общем, Тома я нашел на крыше общаги, и он совершенно не помнил, как туда попал. Переживал только, что на занятия опоздает, – закончил Марк очередную историю, которая должна была ее рассмешить.

А вместо этого Грейс ощутила жжение в глазах, и в следующую секунду из них потекли слезы.

– О! – Она прикрыла рукой рот.

– Прости, – поспешил извиниться он.

– Ты не виноват. Просто мы с тобой сидим здесь и смеемся…

– А Том – нет. – Марк понимал ее как никто другой. Он вытер размазавшуюся по ее щеке помаду, задержав ладонь на ее лице чуть дольше, чем следовало.

Потом, вспомнилось ей, Марк перевел разговор на другую тему. Стал рассуждать то ли о музыке, то ли о политике, а может, и о том, и о другом. Лишь позже она осознала, что он ничего не рассказывал о себе.

Усилием воли Грейс оторвала взгляд от дальней дали, где находился тот отель, и вытеснила из головы картины минувшей ночи. Что было, то прошло. Рано утром, пока Марк спал, она потихоньку выскользнула из его шикарного номера и поймала такси. Больше она его не увидит.

Грейс задумалась о муже. Воспоминания, которые она обычно гнала от себя, теперь стали желанны, отвлекая ее от провокационных мыслей. С Томом она познакомилась, будучи школьницей старших классов, во время летних каникул, когда отдыхала с семьей на Кейп-Коде. Он во всех отношениях был идеален: белокурый, обаятельный, сын одного из массачусетских сенаторов, будущий студент одного из университетов «Лиги плюща», великолепный, каким только может быть капитан футбольной команды. Ей с трудом верилось, что он проявил

к ней интерес. Сама она была дочерью бухгалтера, младшей из трех сестер. Обе старшие сестры вышли замуж и имели свои семьи, жили в четверти мили от Вестпорта в штате Коннектикут, где они и выросли. Внимание Тома стало для нее живительным глотком воздуха, вырвало из удушающей рутины маленького городка, посулило избавление от вечных игр в бридж и встреч в ротарианских клубах, которые были уготованы ей в будущем, останься она там.

Сразу же, как только Грейс окончила школу, они с Томом поженились и поселились в съемном доме в Нью-Хейвене. Том учился в университете, после защиты диплома планировал перебраться в Бостон. Они обсуждали, как будут проводить отложенный медовый месяц: может, отправятся в круиз в Европу на корабле «Куин Элизабет II» или каком-нибудь другом океанском лайнере. Но потом японцы разбомбили Перл-Харбор, и Том твердо решил, что по окончании университета он поступит в офицерскую школу. Он проходил подготовку на военной базе Форт-Беннинг и вскоре должен был получить назначение.

– Мне дали увольнительную на выходные, – сообщил он по телефону в тот последний вечер, как всегда организуя все самостоятельно. – Я мог бы приехать в Коннектикут, это не займет много времени, но лучше давай встретимся на Манхэттене. Проведем вместе выходные, а потом ты проводишь меня из Нью-Йоркской гавани.

Тогда она слышала его голос в последний раз. Джип, на котором он ехал на железнодорожный вокзал, не сбавил скорость на крутом повороте и разбился. Глупейшая авария, которую можно было бы предотвратить. Грейс часто с легкой завистью смотрела на желтые ленточки, на цветы, что носили другие женщины. Не просто как внешние атрибуты солдатских вдов, а с гордостью и со значением. Как свидетельства того, что утраты и страдания были не напрасны.

После похорон Тома Грейс ненадолго вернулась в Вестпорт. Ее подруга детства, Марша, желавшая помочь Грейс, любезно предложила ей погостить в доме своей семьи, расположенном в Хэмптонсе. Грейс испытала огромное облегчение, отдалившись от сочувственных взглядов родных и уехав из города своей юности, который находился слишком близко от ее отчего дома. Однако на курорте был мертвый сезон, и тишина побережья ее оглушала, поэтому она уехала в Нью-Йорк. Правда, родителям сказала, что какое-то время, пока не придет в себя, поживет у Марши, поскольку знала, что они никогда не отпустили бы ее одну в большой город. Марша, поддерживая план подруги, переправляла Грейс все письма, что приходили от ее родных. С тех пор миновал почти год, но Грейс

домой возвращаться пока не собиралась.

Она доела свой обед и вернулась в контору. Утренние приемные часы закончились, и очередь из оборванных беженцев рассеялась. Фрэнки она нигде не увидела, но он оставил Грейс ворох корреспонденции: ей предстояло напечатать кучу писем в разные городские инстанции от имени их клиентов. Она взяла верхнее письмо, пробежала его глазами, затем вставила лист бумаги в машинку и под ее монотонный стрекот с головой ушла в работу.

Напечатав первый документ, Грейс потянулась за следующим, но потом опустила руку. Открыв свою сумку, она достала конверт с фотографиями и веером разложила их перед собой. Двенадцать девушек, все – молодые красавицы. Возможно, члены какой-то женской организации. Хотя на многих была военная форма, и у каждой, несмотря на улыбку, стиснуты зубы, а глаза – серьезны. Снимки были с любовью перевязаны кружевной ленточкой. Видимо их часто брали в руки, потому что они были потрепаны и изогнуты по форме ладони. Грейс сунула пальцы под фотографии, и ей показалось, что она ощущает исходящую от них энергию.

Она перевернула один снимок и увидела на обратной стороне небрежно начерканное имя. Мари. Мадлен, гласила надпись на следующем фото. Джин, Джози. И т. д. и т. п. Словно ей представляли гостей на светском приеме. Так кто же они – эти девушки?

Грейс подняла глаза. Фрэнки вернулся и уже с кем-то говорил по телефону, сердито размахивая руками. Можно бы показать фотографии ему, спросить совета. Наверно, он подсказал бы, что делать. Но как объяснить, что она из любопытства сунула нос в чужой чемодан да еще и прихватила из него то, что ей не принадлежит?

Грейс легонько провела пальцем по первому снимку, который она увидела. Это была фотография молодой темноволосой красавицы по имени Джози. Не смотри, казалось, требовал внутренний голос. Разглядывая фотопортреты девушек, Грейс вдруг почувствовала, что ее охватывает стыд. Что она себе позволяет – крадет снимки, спит с чужими мужчинами? Ее это вообще не касается. Нужно вернуть фотографии в чемодан.

Фрэнки направился к ней. Грейс торопливо собрала карточки и сунула их в свою сумку. Неужели заметил? Она затаила дыхание, ожидая, что Фрэнки вот-вот спросит про снимки, но он сказал:

– Нужно зарегистрировать кое-какие документы в суде.

– Я отнесу, – сразу вызвалась она.

– Тебя это точно не затруднит?

– Мне это будет только на пользу: заодно ноги разомну, – ответила Грейс. – Занесу по пути домой.

– Ладно. Только выйди пораньше, там нужно быть к половине пятого. Клерки из канцелярии не имеют привычки долго засиживаться на работе. – Грейс кивнула. Как раз в этом и состоял ее план: чем скорее она покинет офис, тем скорее заскочит на Центральный вокзал и избавится от фотографий.

Спустя почти два часа Грейс вышла из станции метро Центрального вокзала, второй раз за день направляясь туда, где поклялась себе никогда больше не бывать. По эскалатору она поднялась в центральный зал. Вечерело, и вокзал теперь окрашивался в цвета угасающего дня. Усталые и помятые жители пригородов двигались медленнее, разъезжаясь по домам.

На ходу вытаскивая из сумки конверт с фотографиями, Грейс зашагала к скамейке, у которой она наткнулась на чемодан. Сердце бешено колотилось. Она быстро сунет снимки в чемодан и быстренько уйдет, пока кто-то ее не заметил и не начал задавать вопросы. И со всей этой ерундой будет покончено.

Она дошла до скамейки и обернулась, украдкой проверяя, не наблюдает ли кто за ней из спешащей мимо толпы. Потом присела на корточки и заглянула под скамейку.

Чемодан, в котором она нашла фотографии, исчез.

Глава 5

Мари

Шотландия, 1944 г.

Мари снилось то утро, когда они с Тесс пекли булочки. Теплую пышную выпечку она положила в выстланную бумагой корзину, которую велела Тесс отнести в сад, где они с дочерью собирались устроить пикник. Мари взяла одну булочку и уже хотела сунуть ее в рот, как вдруг раздался грохот, отчего ее рука застыла в воздухе.

Мари разбудил громкий стук в дверь.

– Что такое?

Не успела она подняться с койки, как дверь распахнулась, и ее окатили ведром ледяной воды. Ночная сорочка и постельное белье мгновенно пропитались студеной влагой, возмущенное тело от холода покрылось гусиной кожей.

Зажегся яркий свет.

– En fran?ais![7 - En fran?ais (фр.) – по-французски!] – рявкнул женский голос.

Мари села в постели, пытаясь понять, где она находится. В Шотландии, вспомнила она. Около полуночи такси, на котором она ехала от железнодорожного вокзала, высадило ее перед окутанным туманом особняком. Караульный на входе провел ее в комнату, где стояли несколько коек, и удалился, не дав ей никаких указаний.

Мари спустила ноги на пол. Рядом стояла какая-то женщина в сером платье, сверлившая ее сердитым взглядом.

– Вы должны отвечать по-французски, даже во сне. Одного знания языка недостаточно. Вы должны думать по-французски, сны смотреть на французском.

Одевайтесь и на улицу, на пробежку. На все про все у вас пять минут. – Женщина повернулась и вышла из комнаты, а Мари сидела и дрожала от холода.

А в следующее мгновение быстро вскочила на ноги и обвела взглядом соседние пустые койки. Их было шесть. Они стояли в два ряда у голых бежевых стен, как в дортуаре. Все, кроме той, на которой спала она, были аккуратно заправлены. Но самих девушек в комнате она не увидела. Мари вспомнила, что слышала их дыхание в темноте, когда, стараясь никого не разбудить, переодевалась в казенную ночную сорочку. Но теперь они давно уже встали и куда-то ушли, как, очевидно, и полагалось. Почему же ее никто не разбудил?

Мари заторопилась. Мокрую сорочку повесила на шипящую батарею. В чемодане, что стоял в ногах кровати, лежали два одинаковых комплекта одежды – хлопчатобумажные брюки и рубашки оливкового цвета – и пара черных сапог на резиновой подошве. Мари натянула на себя один комплект, сверху надела столь же невзрачную куртку, которую ей выдали, и, покинув спальню, вышла в затхлый коридор Арисейг-Хауса – серого каменного особняка, в котором Управление спецопераций разместило учебный центр. Еще не рассвело, однако в холле уже сновали агенты, в основном мужчины, но попадались и женщины. Все они, вероятно, спешили на занятия или по поручениям.

Едва Мари вышла на улицу, ее обжег колючий предрассветный февральский воздух Северо-Шотландского нагорья. Одежда на ней была сухая, но она еще не успела согреться после ледяного душа, и ее стала бить дрожь. Как же ей сейчас не хватало теплого шарфа, который сразу по прибытии у нее конфисковали как «слишком английский», по мнению встретившего ее сотрудника учебного центра. Туман рассеялся, и теперь она увидела, что особняк стоит на отлогом склоне возвышенности, расположившись на голом участке древней лесистой местности, которая еще не пробудилась от зимней спячки. За задним фасадом земля постепенно спускалась к темным неподвижным водам озера, на противоположном берегу которого вздымались холмы. В погожий день это место, наверно, больше напоминало загородный дом отдыха, а не секретный учебный центр.

Мари неуверенно огляделась, а потом заметила небольшую группу женщин, собравшихся на газоне перед домом. Никто из них не произнес ни слова, когда она подошла к ним.

Внезапно земля под ногами Мари загудела. Она вздрогнула, приготовившись ощутить толчок. Ей сразу вспомнилось, как несколько лет назад немецкая авиация бомбила Лондон и они ночами укрывались в метро и бомбоубежищах. Однако земля затихла.

– Это просто учения, – шепнула ей одна из девушек. – Кто-то экспериментирует со взрывчаткой. – Это объяснение, призванное успокоить Мари, только еще больше ее растревожило. Они учились обращаться с настоящей взрывчаткой, отчего миссия, к которой их готовили, казалась еще более реальной.

Не говоря ни слова, девушки подхватились и побежали по тропинке, тянувшейся вдоль берега озера. Колонну возглавляла, задавая темп, хрупкая девушка с короткими тонкими ногами, на вид – лет двадцати, не больше. Она совершенно не соответствовала представлениям Мари о женщинах-агентах, если она вообще когда-то задумывалась об этом. Но бежала девушка на удивление быстро. Остальные уверенно следовали за ней вереницей, в которой они, словно по негласной договоренности, заняли каждая свое место. А Мари силилась не отстать.

Их маршрут пролегал по узкой тропинке, что вела к вершине высокого холма или, может быть, горы. Подъем становился круче. Вершина еще даже не маячила в поле зрения Мари, а она уже задыхалась. Смотрела на убегающую в поднебесье тропинку, и сомнения, что возникли у нее при вербовке, одолевали ее с новой силой. Никто, даже она сама, никогда не считал ее особенно сильной или способной на великие свершения. Почему она решила, что сумеет оправдать оказанное ей доверие?

Чтобы не думать об усталости, Мари рассматривала качающиеся впереди головы. Все пять женщин, как и она, были одеты в брюки цвета хаки и сапоги. Бежали они непринужденно, – вероятно, тренировались уже некоторое время и находились в куда более подходящей физической форме, чем она.

Они выскочили на каменистое плато.

– Отдыхаем, – распорядилась лидер группы. Все разом остановились. Некоторые вынули фляжки и стали пить. В чемодане Мари рядом с одеждой тоже лежала фляжка, но в спешке она даже не подумала взять ее с собой.

Не прошло и минуты, как лидер группы крикнула:

– Вперед! – Девушки убрали фляжки и снова ринулись вверх по тропинке. Тишину нарушал только топот их ног.

Спустя несколько часов, как показалось Мари, они наконец-то достигли вершины холма. Туман начал подниматься, зачирикали воробьи, приветствуя друг друга. Мари смотрела на небо, зарозовевшее над Арисейг-Хаусом, и искрящуюся гладь лежавшего внизу озера. Прежде она никогда не бывала на Северо-Шотландском нагорье. При других обстоятельствах она сочла бы это место идиллическим уголком.

Не задерживаясь на гребне, девушки припустили вниз по холму. Казалось бы, спускаться – не подниматься, но извилистая каменистая тропинка существенно затрудняла бег. Внезапно Мари споткнулась о камень и подвернула ногу. Лодыжку пронзила боль. Она вскрикнула, зашаталась, пытаясь удержать равновесие. Ее первое занятие – и сразу полный провал. Не останавливайся, подначивала себя Мари и, стиснув зубы, продолжала спуск. Однако пульсирующая боль с каждым шагом усиливалась. Она все больше отставала, расстояние между ней и остальной группой увеличивалось на глазах. Она просто не могла угнаться за ними.

Девушка, возглавлявшая группу, вероятно, что-то почувствовала. Она замедлила бег, пропуская остальных вперед. Мари ждала, что ее сейчас отчитают за слабость и медлительность. А девушка одной рукой обхватила Мари за плечо, и, хотя ростом она была меньше, ей каким-то образом удалось приподнять Мари, так что ее больная нога почти не касалась земли.

– Побежали, – сказала девушка. – Представь, что мы танцуем в модном клубе в Лондоне. – Идея эта была столь нелепой и далекой от того, чем они здесь занимались, что Мари невольно улыбнулась сквозь боль. Прилагая, казалось, сверхчеловеческие усилия, они рванули вперед. Худенькая девушка почти тащила Мари на себе, возвращаясь в голову вереницы. Каждый шаг по бугристой земле лишь усугублял мучения Мари. На помощь ей пришла еще одна из девушек, стала поддерживать ее с другой стороны. Мари старалась как могла меньше опираться на них, чтобы не быть им чрезмерной обузой. Втроем они плавно неслись с холма, как единое целое.

Когда они достигли газона перед Арисейг-Хаусом, лидер группы отняла руку от Мари – так резко, что та чуть не упала. Вторая женщина, помогавшая ей, тоже отступила.

– Спасибо, – поблагодарила Мари, хватаясь за низкую каменную стенку, окружавшую усадьбу по периметру. – Нога, по-моему, не сломана. – Морщась, она попробовала встать на травмированную ногу, затем села на низкую ограду. – Но вот лед, пожалуй… Здесь есть медпункт?

Худенькая девушка покачала головой.

– Не успеешь. Пробежка заняла больше времени, чем обычно, из-за того что пришлось помогать тебе. Мы опаздываем на завтрак. – Она даже не потрудилась скрыть раздражение в голосе. – А завтраки, обеды, ужины лучше не пропускать, потому что в промежутках есть нечего. Держать продукты в казармах запрещено, так что либо ешь сейчас, либо ходи голодной. – У нее акцент северянки, решила Мари. Из Манчестера, может быть, или из Лидса. – Кстати, я – Джозефина. Меня все здесь зовут Джози. – Голову ее покрывала шапка коротко обчекрыженных темных кудряшек, кожа имела более смуглый оттенок, чем у других, – по цвету напоминала растопленную карамель.

– Мари.

Джози протянула Мари руку, помогая ей подняться, затем жестом показала на ее все еще влажные волосы.

– Я вижу, ты приняла душ Пуаро. – Мари в недоумении склонила набок голову. – Она окатила тебя водой за то, что ты проспала. – Темные глаза Джози заискрились весельем. Мари подумалось, что соседки по комнате специально не разбудили ее, – на правах старослужащих допустили, чтобы она вымокла. – Мадам Пуаро учит нас быть истыми француженками. Школьная директриса и сержант-инструктор в одном лице.

Мари последовала за остальными девушками в особняк. Под столовую переоборудовали огромный бальный зал, заставив его деревянными столами во всю длину комнаты. Атмосфера здесь была вполне цивилизованная, что особенно ощущалось после ранней пробежки по колдобинам в темноте да по холоду. Столы были сервированы льняными салфетками и приличным фарфором.

Официанты наливали кофе из серебряных сосудов. Кое-где уже сидели агенты – мужчины и женщины. Мужчины расположились отдельно. Так принято или по собственному выбору? – задалась вопросом Мари.

Она заняла свободное место за женским столиком, рядом с Джози. После пробежки ее мучила жажда, и она первым делом схватила бокал с водой, отхлебнув из него слишком большой глоток, так что чуть не облилась. Потом взяла ломтик багета. Пища была французская, но самая простая – никаких изысков. Словно их специально приучали к тому, чем им придется довольствоваться на чужбине.

– Сколько нас всего? – полюбопытствовала Мари. И тут же подумала: а не дерзость ли это – включать себя в их число, если она только что прибыла? – Я имею в виду женщин.

– У нас не принято задавать вопросы, – отчитала ее Джози, как и Элеонора, когда она вербовала Мари. Но потом все же ответила: – Примерно сорок, включая тех, кого уже забросили, и тех, кто пропал без вести.

Мари резко вскинула голову, повернула ее туда-сюда, оглядываясь.

– Пропал без вести?

– Да, в ходе операции. Числятся в списках погибших.

– Что с ними сталось?

– Никто не знает.

– Но мы же просто радистки, во имя всего святого! Неужели это так опасно?

Джози запрокинула голову и рассмеялась, да так громко, что привлекла внимание мужчин за соседним столом.

– А ты что же, собираешься выходить в эфир из студии Би-би-си? Ты будешь радировать из оккупированной Франции, и немцы будут делать все, чтобы тебе помешать. – Потом лицо ее стало серьезным. – Полтора месяца.

– Прости, не поняла?

– Средняя продолжительность жизни радиста во Франции. Полтора месяца.

Мари похолодела. Она в общем понимала, что работа, на которую она устроилась, таит в себе опасность, но ей и в голову не приходило, что она может погибнуть. Если б она знала, сколь высока вероятность того, что она не вернется к Тесс, она никогда не дала бы согласия. Нужно убираться отсюда, немедленно.

Напротив Мари сидела блондинка примерно ее возраста. Она потрепала ее по руке.

– Меня зовут Брия. Не реагируй на ее страшилки, дорогая.

– По-французски, – сердито напомнила от двери мадам Пуаро. Даже в общении между собой они должны были играть роль, которую им предстояло исполнять после заброски в тыл врага. – Полезные привычки приобретаются прямо сейчас.

Джози одними губами повторила последнюю фразу, передразнивая мадам Пуаро.

Внезапно раздался пронзительный свист. Мари чуть не подпрыгнула на месте. Обернувшись, она увидела в дверях столовой дюжего полковника.

– Завтрак окончен! Всем вернуться в казармы для досмотра личных вещей! – Нервно перешептываясь, девушки поднялись из-за стола.

Мари проглотила последний кусочек багета и поспешила за остальными в коридор. Они поднялись по лестнице в свою комнату, похожую на дортуар. Только она успела сдернуть с батареи свою ночную сорочку и сунуть ее под подушку, как в комнату без стука ворвался полковник в сопровождении своего адъютанта.

Джози как-то странно смотрела на Мари. Ожерелье, сообразила она. Крошечный медальон в форме бабочки на простой золотой цепочке. Это украшение подарила ей Хейзел, когда родилась Тесс. Мари спрятала его – в нарушение строгого приказа, предписывавшего агентам перед началом учебы сдать все

свои личные вещи. Сегодня утром, пытаясь побыстрей обсохнуть и одеться, она впопыхах забыла снять медальон.

Джози без лишних слов занесла руки за шею Мари, сняла с нее украшение и убрала его к себе в карман. Мари собралась было выразить протест. Если у Джози найдут ее ожерелье, его конфискуют, а у самой Джози будут неприятности.

Своим телодвижением она обратила на себя внимание полковника. Он подошел к ее чемодану, раскрыл его и, покопавшись, вытащил верхнюю одежду, которую она аккуратно положила почти на самое дно. Полковник взял ее платье, осмотрел воротник, на котором она зашила маленькую дырочку, и выдернул нитку.

– Это не французские стежки. Они сразу же вас выдадут.

– Я не собиралась носить его здесь, – выпалила Мари, слишком поздно сообразив, что лучше было бы смолчать.

– Если вас схватят в этом платье, будет еще хуже, – рявкнул он, рассерженный ее ответом. – А эти чулки… – Полковник поднял вверх чулки, в которых она приехала накануне вечером.

Мари пришла в замешательство. Чулки были французского производства, с прямым швом по всей длине сзади. Что не так?

– Так они же французские! – воскликнула она, не сдержавшись.

– Были французские, – пренебрежительным тоном поправил ее полковник. – Теперь во Франции таких не достать. Там теперь вообще нет нейлона, если уж на то пошло. Девушки рисуют стрелки на ногах йодом. – В Мари всколыхнулся гнев. Она еще и суток здесь не провела. Откуда ей знать про такие вещи?

Полковника поддержал адъютант. С тумбочки у койки Мари он схватил карандаш, который вообще-то ей не принадлежал.

– Немцы сразу увидят, что карандаш английский. Стоит вам его достать, и вы мгновенно себя выдадите. Вас арестуют и, скорей всего, казнят.

– Где? – неожиданно вмешалась Джози. Все взгляды обратились на нее. «У нас не принято задавать вопросы», – указала она Мари за завтраком, буквально несколько минут назад. А теперь словно умышленно отвлекала внимание на себя. – Где меня должны убить? Мы до сих пор не знаем, куда нас пошлют!

Мари восхищалась смелостью Джози.

Полковник подступил почти вплотную к Джози, гневно глядя на нее сверху вниз.

– Может, вы и принцесса, но здесь вы никто. Просто еще одна девица, не способная выполнить свою работу. – Джози стойко выдержала его взгляд. Прошло несколько секунд. – Через пять минут занятие по радиосвязи, не опаздывать! – гаркнул он. Затем развернулся на каблуках и вышел. Адъютант последовал за ним.

– Спасибо, – поблагодарила Мари Джози, когда другие девушки покинули спальню, отправившись на занятие.

– Держи. – Джози вернула Мари ее ожерелье, потом подошла к своему ящику с одеждой и, порывшись в нем, достала шерстяные рейтузы. – Во Франции такие есть, так что тебе за них не влетит. У меня это последняя пара. Смотри не порви.

– Он назвал тебя принцессой, – заметила Мари, пока они заново укладывали свои вещи, переворошенные во время досмотра. – Это правда? – Она напомнила себе, что не должна задавать лишних вопросов. Им не полагалось обсуждать свое прошлое.

– Мой отец был вождем одного суфийского племени. – Мари никогда бы не подумала, что Джози индианка, но это объясняло смуглость ее кожи и угольно-черный цвет красивых глаз.

– Тогда почему ты вообще воюешь за Британию? – удивилась Мари.

– Многие наши ребята воюют. Есть целая эскадрилья, в которой летчики-истребители наши парни – сикхи, индусы, только об этом не говорят. Вообще-то, меня здесь быть не должно, – тихо проговорила она. – И вовсе не из-за отца. Мне только в следующем месяце исполнится восемнадцать. – Джози оказалась еще моложе, чем думала Мари.

– А как относятся к этому твои родители?

– Их нет в живых, они погибли во время пожара, когда мне было двенадцать лет. Мы с братом – его зовут Аруш, мы близнецы – остались вдвоем. В детский дом идти не захотели, жили сами по себе. – Мари внутренне содрогнулась: именно этого она больше всего страшилась, покидая Тесс, – что ее дочь останется сиротой. Тем более что у Тесс даже не было ни брата, ни сестры. – Аруш пропал без вести во время боев в Арденнах. А я сама работала на фабрике, когда услышала, что идет набор девушек. Пришла к ним и убедила взять меня. Если я попаду туда, то, возможно, мне удастся выяснить, что стало с моим братом. – Глаза Джози пылали решимостью. Вопреки всему, видела Мари, она продолжала надеяться, что найдет брата живым. – А ты? Какую тиару ты носишь, когда не воюешь против немцев?

– Никакую, – отвечала Мари. – У меня есть дочь.

– Замужем, значит?

– Да… – начала Мари. Ложь, которую она придумала после ухода Ричарда, слетела с губ сама собой. Но потом она поправилась: – То есть нет. Он бросил меня, когда родилась дочь.

– Вот урод. – Они обе усмехнулись.

– Только не говори никому, ладно? – попросила Мари.

– Не скажу. – Джози вновь приняла серьезный вид. – Раз уже мы с тобой делимся секретами, признаюсь тебе, что моя мама – еврейка. Впрочем, кому какое до этого дело?

– Немцам будет до этого дело, если они узнают, – вставила реплику Брия, случайно подслушав их разговор, когда заглянула в дверь. – Поторопитесь. Опоздаем на занятие.

– Сама не понимаю, зачем я здесь, – поведала Мари Джози, когда они снова остались вдвоем. Записалась она на военную службу главным образом из-за денег. Но какой от них толк, если это будет стоить ей жизни?

– Этого никто из нас не понимает, – ответила Джози. В это Мари верилось с трудом: Джози казалась такой сильной и целеустремленной. – Мы все напуганы и одиноки. Вот ты один раз произнесла это вслух, а теперь забудь и больше не повторяй. Считай, что здесь ты из-за дочери, – добавила Джози. – Ты сражаешься за нее и за тот мир, в котором она будет жить. – И тогда Мари поняла. Дело не только в деньгах. Она хочет, чтобы Тесс росла в более справедливом мире. Это – воистину достойная цель. – В минуты сомнений представляй свою дочь взрослой женщиной. Думай о том, как будешь рассказывать ей о своем участии в войне. Или, как говорила мама, «сотвори историю, которой можно гордиться».

Джози права, осознала Мари. Всю жизнь ей внушали – сначала отец, потом Ричард, – что она, родившись девочкой, как человек ничего не стоит. Мама ее любила, но сама, будучи бесправной, была не способна вселить в нее уверенность, заставить изменить свое мнение о себе. Теперь у Мари появился шанс сотворить новую историю для своей дочери. Если удастся. Внезапно Тесс – единственный сдерживающий фактор – превратилась в движущую силу, которая повела ее к новым свершениям.

Глава 6

Элеонора

Шотландия, 1944 г.

Элеонора стояла у входа в спальню девушек и слушала дыхание спящих.

Она не планировала ехать на север в Арисейг-Хаус. Добираться из Лондона было нелегко: две пересадки, затем ночной поезд, доставивший ее утром в горы Шотландии. Она все надеялась, что солнце пробьется сквозь облака и разгонит их. Но горы по-прежнему окутывала темная мгла.

По прибытии Элеонора без предупреждения проскользнула в Арисейг-Хаус, только предъявив документы дежурному. Всему свое время: время быть на виду и время прятаться от людей. Сейчас лучше спрятаться, решила Элеонора. Она хотела сама увидеть, как проходит обучение ее подопечных, в обычных условиях, без специальных приготовлений.

Прохладным мартовским утром девушки только что завершили занятие по радиосвязи и переходили в класс для изучения приемов владения оружием и рукопашного боя. Элеонора наблюдала за ними из-за дерева. Молодой офицер демонстрировал серию приемов, позволяющих освободиться от удушающего захвата. Рукопашный бой – одна из дисциплин, которые Элеоноре удалось отстоять с большим трудом; все остальные в Норджби-Хаусе считали, что женщинам это не нужно, что вряд ли им случится оказаться в таком положении, когда эти навыки потребуются. Но Элеонора твердо стояла на своем, обращалась напрямую к директору, доказывая, что женщины будут попадать точно в такие же ситуации, что и мужчины, и должны уметь защищаться.

Она наблюдала, как инструктор указывает на уязвимые места (горло, пах, солнечное сплетение). Затем он отдал распоряжение, которое Элеонора услышать не могла, и девушки разбились на пары для рукопашного боя. Джози – порывистая юная девушка сикхского происхождения с севера страны – боролась против Мари. Она сразу же выполнила удушающий захват. Мари оборонялась несмело, словно пробуя собственные силы. Она нанесла несильный удар в солнечное сплетение. Не только Мари боролась без огонька, почти все девушки чувствовали себя неловко при выполнении упражнений, предполагавших телесный контакт с противником.

Это усилило сомнения Элеоноры – сомнения, побудившие ее приехать в Арисейг-Хаус, чтобы лично проверить, как идет обучение. Прошло три месяца с заброски первой из женщин-диверсантов в Европу. На данный момент их уже отправили более двух десятков; они действовали в различных районах Северной Франции и Голландии. С самого начала дела шли не очень гладко. Одну из женщин арестовали сразу после заброски. Еще одна уронила в реку радиопередатчик и несколько недель не могла передавать донесения, пока не доставили новый.

Другие, даже после нескольких месяцев обучения, оказались не способны выдать себя за француженок в соответствии с присвоенными им легендами, так что их пришлось отозвать.

Элеонора отчаянно боролась за создание подразделения девушек-диверсантов. Это была ее идея, и она ее всячески отстаивала. Она потребовала, чтобы девушки проходили такую же подготовку, что и мужчины, столь же жесткую и тщательную. А теперь, наблюдая за ходом занятия, она думала, что, возможно, правы были ее оппоненты, а не она. Может, девушки просто не имели необходимых способностей?

Ее размышления прервал шорох. Она обернулась. У нее за спиной стоял полковник Макгинти – начальник Арисейг-Хауса.

– Мисс Тригг, – обратился он к ней. Они встречались один раз, когда полковник приезжал в Лондон на совещание по подведению итогов операции. – Адъютант доложил мне о вашем прибытии.

Увы, недолго она оставалась в тени. С тех пор как Элеонору назначили руководителем женского подразделения, ее репутация и роль в УСО стали таковы, что действовать скрытно почти не получалось.

– Я бы предпочла, чтобы девушки не знали о моем приезде, во всяком случае пока. И, когда закончу наблюдать за занятиями, хотела бы также ознакомиться с их личными делами.

Полковник кивнул:

– Конечно. Я распоряжусь.

– Как у них успехи?

Макгинти пожевал губами.

– Пожалуй, неплохие – для женщин.

«Недостаточно хорошие», – хотела крикнуть Элеонора, но сдержалась. Эти женщины должны быть готовы к выполнению заданий. А задания – доставка донесений, налаживание контактов с местными жителями, которые могли предоставить надежные тайники для оружия и убежища для скрывающихся агентов, – были не менее опасными, чем у мужчин. Она направляла их на территорию оккупированной Франции, а некоторых даже в район Парижа – в самое змеиное гнездо, находившееся под неусыпным контролем Ганса Криглера и его зловещей разведслужбы, СД, которая занималась в первую очередь выявлением и арестом иностранных агентов – таких, как ее девушки. Чтобы не попасться и выжить, они должны обладать недюжинной смекалкой, силой и необходимыми навыками.

– Полковник, – наконец произнесла Элеонора. – Немцы не станут относиться к женщинам более гуманно, чем к мужчинам. – Она говорила медленно, пытаясь скрыть свое расстройство. – Они должны быть к этому готовы.

Эту группу агентов необходимо было отправить в тыл противника в самое ближайшее время. Но забросить их до того, как они овладеют необходимыми навыками, значит, вынести им смертный приговор.

– Согласен, мисс Тригг.

– Если нужно, удвойте интенсивность занятий.

– Они и так занимаются каждую свободную минуту. Но, как и среди мужчин, есть непригодные для этой работы.

– Таких отчисляйте, – резко ответила она.

– Тогда никого не останется. – Его слова, прозвучавшие как насмешка, отражали мнение военных Норджби-Хауса о том, что оперативная работа женщинам не по плечу. Полковник слегка поклонился и зашагал прочь.

«Неужели он прав?» – думала Элеонора, переходя вслед за курсантками от площадки рукопашного боя к стрельбищу. Не может быть, чтобы ни одна из них не подходила для разведопераций.

Следующее занятие проводил другой инструктор. Он показывал, как перезаряжать пистолет-пулемет «Стэн» – огнестрельное оружие малых размеров, которое легко спрятать. Не исключено, что кому-то из ее подопечных действительно придется применять его в боевой обстановке. Женщинам, которые действовали в качестве связных или радисток, оружие, как правило, не выдавали. Но Элеонора настояла, чтобы их научили обращаться с теми видами оружия, которые, возможно, попадут им в руки в тылу противника. Издалека она продолжала следить за ходом занятия. Вот Джози уверенно и быстро зарядила пистолет, затем показала Мари, как это делается. Джози была моложе, но, по-видимому, взяла Мари «под крыло». Мари держала пистолет неловко, два раза уронила обойму, прежде чем вставила ее в пистолет. У наблюдавшей за ней Элеоноры возникли сомнения.

Несколько минут спустя, в половине двенадцатого, прозвенел звонок. Девушки нестройной группой двинулись со стрельбища к сараю на краю участка. «Ни одной свободной минуты» – такова была установка на курсах подготовки женского спецподразделения. Чтобы не оставалось времени на беспокойство, на размышления о том, что их ждет впереди, на свидания с нежелательными последствиями.

Элеонора шла за девушками на некотором удалении, чтобы ее не заметили. Сарай, в котором до сих пор валялись клоки сена и стоял едва ощутимый запах навоза, представлял собой филиал «Магазина игрушек» Черчилля – предприятия в Лондоне, где разрабатывались различные устройства для секретных агентов. Здесь девушки изучали разные хитрые изобретения – косметический набор со встроенным компасом, фотоаппарат в виде губной помады, – которые им должны были выдать непосредственно перед заброской в тыл противника.

– Не трогать! – Окрик начальника «магазина игрушек» профессора Диггльсби предназначался одной из курсанток, которая слишком близко подошла к столу со взрывными устройствами. В отличие от остальных инструкторов, он был не военным, а ученым. Седовласый джентльмен в очках с толстыми линзами. До выхода на пенсию Диггльсби работал в колледже Магдалины Оксфордского университета. – Сегодня мы будем изучать бомбы-ловушки.

– А-а-а! – вдруг завопила на весь сарай девушка по имени Аннетт, кидаясь к выходу. Элеонора отступила назад, чтобы ее не увидели, и прильнула к окну, пытаясь понять, что стряслось. Девушки разбежались по сараю, подальше от одного из столов, на углу которого стояла на задних лапах крыса, почему-то не

выражавшая ни малейшего беспокойства.

Но Мари не убежала. С метлой в руках, которую она взяла в углу, Мари осторожно подкралась к столу, чтобы не вспугнуть крысу, и размахнулась, собираясь прихлопнуть тварь.

– Стоп! – вскрикнул профессор Дигглсби, бросаясь вперед. Он взял крысу в руки, та не шевелилась.

– Дохлая. – Мари протянула руку.

– Нет, не дохлая, – поправил ее инструктор, поднимая крысу повыше, чтобы видели все. Девушки с опаской пододвинулись ближе. – Это – бомба-ловушка. – Он передал крысу курсанткам, чтобы те хорошенько ее рассмотрели.

– Прямо как настоящая! – воскликнула Брия.

– Вот и немцы так подумают, – ответил профессор Дигглсби. Он забрал у девушек крысу и перевернул ее, показывая на брюхе вместилище для небольшого количества взрывчатки. – Пока ближе не подойдут. – Дигглсби вывел всех из сарая, отошел на несколько метров в сторону, на соседнюю площадку, и поставил крысу на землю. – Стойте, где стоите, – предупредил он, вернувшись к группе. Дигглсби нажал кнопку детонатора, который держал в руке, и крыса взорвалась. Девушки охнули от изумления.

Профессор Дигглсби сходил в мастерскую и принес нечто похожее на экскременты.

– Мы закладываем детонаторы в самые неожиданные предметы. – Девушки взвизгнули от отвращения. – Это тоже не настоящее, – добродушно объяснил профессор.

– Вот же дерьмо! – заметила Джози. Некоторые из девушек хихикнули. Профессор Дигглсби неодобрительно посмотрел на них, но Элеонора невольно улыбнулась.

Лицо инструктора стало серьезным.

– Эти бомбы на вид, может, и смешные, – сказал он, – но они призваны спасти вам жизнь и уничтожить противника.

Профессор Дигглсби снова завел девушек в сарай, чтобы продолжить занятие по изучению скрытых бомб. Элеонора вернулась в особняк, попросила проводить ее в кабинет, где хранились личные дела курсанток, и принести ей чаю. Остаток дня она просидела за узким столом у картотечного шкафа на третьем этаже Арисейг-Хауса, просматривая документы.

На каждую из девушек велось досье, с подробными записями о каждом дне обучения с момента зачисления. Элеонора прочитала все записи, запоминая подробности. В отношении ее подопечных применялось собирательное название – «девушки», будто это была единая группа, но на самом деле все они были очень разные. Одни находились в Арисейг-Хаусе всего несколько недель, другие заканчивали здесь обучение, ожидая, когда их переведут в училище, которое располагалось в особняке Бьюли в Гемпшире, где им предстояло пройти заключительный этап подготовки перед отправкой за линию фронта. У каждой имелись свои причины для поступления на службу. Брия, русская по происхождению, пылала ненавистью к немцам за то, как они расправились с ее родными в местечке близ Минска. Морин, девушка из рабочей семьи, жила в Манчестере. После гибели мужа она решила занять его место.

Джози, хоть и самая младшая, была самой способной в группе, а может, и самой лучшей из всех курсанток, когда-либо завербованных УСО. Навыки Джози сформировались в постоянной борьбе за выживание в условиях улицы. Движения ее рук, которым наверняка доводилось красть продукты, были проворные и уверенные. А бегала и пряталась она со сноровкой, свойственной человеку, которому частенько случалось удирать от полиции, чтобы не попасть в участок или в сиротский приют. Она обладала поразительной смекалкой, а также природной интуицией, которая дается от рождения. Упорство и стойкость Джози в рукопашном бою заставили Элеонору вспомнить темные моменты собственного прошлого.

Когда Элеоноре было пятнадцать лет, в их местечке близ Пинска учинили погром. Она пряталась в сарае, пока русские беспощадно уничтожали их поселок, насилуя жен и матерей, убивая детей на глазах их родителей. С тех пор она спала с ножом под подушкой, а по ночам, когда никто не видел, точила его. Она беспомощно наблюдала, как ее мать отдавалась русскому офицеру, который остался в их поселке после того, как погромщики двинулись дальше. Мать

пошла на это, чтобы прокормить Элеонору и ее младшую сестру Татьяну, сказочно красивую девочку с алебастровой кожей и голубыми глазами. Но этому подонку матери оказалось мало. Проснувшись однажды ночью, Элеонора увидела, что он стоит склонившись над кроватью ее сестры. Она не колебалась ни секунды. Морально она была готова к такому моменту и точно знала, что делать.

Потом в поселке говорили, что у них куда-то пропал русский капитан. Жителям было невдомек, что его труп закопан в нескольких шагах от их дома, что его убила юная особа, той же ночью покинувшая поселок вместе с мамой и сестрой.

Однако попытка спасти Татьяну запоздала. Та сильно пострадала в результате зверского надругательства русского офицера и скончалась вскоре после того, как они приехали в Англию. Если б Элеонора знала, что он задумал, и сумела предотвратить нападение, ее младшая сестра, возможно, теперь была бы жива.

С тех пор Элеонора и ее мать никогда не упоминали о Татьяне. Пожалуй, лучше уж пусть так. Наверно, как подозревала Элеонора, если б мать позволила себе предаться воспоминаниям о дочери, которой она лишилась, она обвинила бы Элеонору, совсем не такую красивую и добрую, как Татьяна, в том, что она дала отпор русскому офицеру. Горе каждый переживает по-своему, размышляла теперь Элеонора. Мама пыталась забыть о жизни на родине, сменила фамилию на более английскую и из еврейского района Голдерс-Грин вместе с дочерью переселилась в более приличный Хэмпстед. Для Элеоноры, которая с тех пор, как они покинули родину, ощущала себя беглянкой, УСО стало подходящим пристанищем. Но истинное дело всей своей жизни она обрела только в отделе подготовки женщин-агентов.

Сейчас Элеонора скрупулезно анализировала каждое досье. В них фиксировались достижения курсанток в ходе обучения: девушки уверенно осваивали искусство меткой стрельбы, технику радирования и другие навыки, необходимые при выполнении боевых заданий в тылу противника. Но будет ли этого достаточно? В каждом случае именно Элеоноре предстояло определить, способна та или иная из девушек справиться с возложенной на нее задачей. Штаб УСО может принять решение об их заброске за линию фронта исходя из соображений целесообразности и необходимости оказания срочной поддержки. Но Элеонора ни за что не даст согласия на отправку агента, если он к тому еще не готов. И если это будет означать провал всей операции, значит, так тому и быть.

Некоторое время спустя в дверях появился адъютант начальника учебного центра.

– Мэм, сейчас время ужина, предлагаю вам спуститься в столовую.

– Пожалуйста, распорядитесь, чтобы ужин мне принесли сюда.

А вот досье на Мари. В принципе, основные навыки она освоила, судя по записям инструктора. Но сосредоточенности и решительности не хватает. А этому нельзя научить, в том числе путем взысканий. Элеонора вспомнила, как Мари мучилась на занятиях по владению оружием и по рукопашному бою. Может, зря ее взяли? Внешне хрупкая, светская девушка; такая и недели не протянет в суровых условиях опасности. Но она – мать-одиночка, одна растит дочку в Лондоне, во всяком случае, растила до войны. А для этого требуется твердость характера. Завтра она испытает Мари еще раз, решила Элеонора, и тогда станет ясно, оставить ее или лучше отправить домой.

Было уже почти одиннадцать вечера, давно прозвучал сигнал отбоя в казармах. От долгого чтения у Элеоноры рябило в глазах. Значит, пора заканчивать. Она отложила досье и, двигаясь бесшумно, спустилась из кабинета в казармы.

В дверях спальни курсанток Элеонора остановилась и прислушалась: девушки дышали почти в унисон. В темноте она различила Мари и Джози, занимавших соседние койки. Они лежали лицом друг к другу, словно и во сне продолжали разговор. Они во всем были очень разные – и по происхождению, и по месту проживания, – а здесь сдружились. Но им недолго быть вместе, скоро разлетятся в разные места. Они не могут рассчитывать друг на друга, ведь за линией фронта им придется полагаться только на самих себя. Как они воспримут новость завтра, как будут обходиться друг без друга?

За спиной Элеоноры остановился адъютант, что приносил ей ужин.

– Мэм, вам звонят из Лондона.

Она прошла в кабинет, который он ей указал, подняла трубку:

– Тригг слушает.

Сквозь шумы на линии прорвался голос Директора.

– Ну, как там девушки? – начал он без предисловий. – Готовы? – Обычно Директор не имел привычки допоздна засиживаться на работе. По его голосу Элеонора поняла, что дело не терпит отлагательств.

Что ему сказать? За эту программу отвечала она, и если что-то пойдет не так, спрашивать будут с нее. Элеонора словно наяву слышала, как мужчины в штабе злорадствуют: мы же говорили. Но гораздо важнее ее репутации и гордости была судьба этих девушек. От уровня их фактической подготовки зависело, сумеют ли они остаться в живых и выполнить задание.

Она отбросила сомнения.

– Будут готовы.

– Вот и хорошо. Они нам нужны. Решение о взрыве моста принято. – У Элеоноры сжалось сердце. УСО осуществило десятки рискованных диверсий, но взрыв моста под Парижем станет самой опасной и самой важной из операций. И одной из ее подопечных суждено в ней исполнить не последнюю роль. – Хорошо, что вы там и сможете лично донести до нее эту новость. Объявите завтра?

– Да. – Разумеется, она не будет посвящать ее в детали, просто скажет, что ее отправляют на задание. Остальное та узнает позже, когда это будет необходимо.

Потом она вспомнила спящих девушек, и ее вновь охватили сомнения.

– Я не знаю, готова ли она, – призналась Элеонора.

– Должна быть готова. – Откладывать нельзя.

На другом конце линии раздался щелчок. Элеонора положила трубку и на цыпочках вернулась в спальню.

Джози свернулась калачиком, как ребенок, держа палец у рта, словно по привычке, от которой она наверняка давно избавилась. Элеоноре вспомнилась сестра, которую она потеряла много лет назад, и в ней всколыхнулся материнский инстинкт. Сестру ей уберечь не удалось, но этих девушек она может защитить. Они нужны ей для выполнения задания – опасного, возможно, смертельно опасного, – но она хотела, чтобы они вернулись домой целыми и невредимыми. Только это имело значение. Но сумеет ли она обеспечить и то, и другое?

На губах Джози играла едва заметная улыбка. О чем она грезила во сне? Юная девушка, девичьи сны. Пусть побудет такой еще немного, хотя бы несколько часов.

Элеонора на цыпочках вышла из спальни, тихонько притворив за собой дверь.

Глава 7

Мари

Шотландия, 1944 г.

Мари по-прежнему ненавидела утренние пробежки.

Она находилась в Арисейг-Хаусе почти полтора месяца, и каждый день начинался с одного и того же: пять миль в гору и с горы. Часть пути они бежали вдоль озера, а затем преодолевали пугающий подъем по крутому склону до вершины, которую девушки между собой называли «Пик». Пятки у Мари растрескались и кровоточили; волдыри на ступнях, образовавшиеся от бега в непросыхающих сапогах, постоянно были на грани воспаления. От одной только мысли об утреннем кроссе у нее начинали ныть кости.

Но, направляясь на завтрак после умывания, Мари отметила про себя, что она больше не плетется в хвосте группы. За недели тренировок она набрала скорость и обрела выносливость, какой в себе даже не подозревала. Ей

нравилось бежать рядом с Джози, это давало им возможность поговорить. Ни о чем конкретном, конечно, – так, просто время от времени перекидывались парой слов. Джози в раннем детстве часто проводила лето в горах Камбрии, и во время пробежки она обращала внимание Мари на какие-нибудь особенности шотландского пейзажа или рассказывала истории о войне, которые ей случалось слышать.

За недели подготовки в учебном центре Мари многое узнала о Джози. И не только благодаря совместным занятиям и трапезам: они подолгу беседовали бессонными ночами. Джози поведала ей о своем детстве, как они с братом жили на улицах Лидса, отбиваясь от мерзавцев, которые хотели использовать в своих интересах беззащитных детей. Мари поделилась с ней подробностями о своем прошлом, о том, как ее бросил Ричард, оставив без пенса за душой. Правда, ей было неловко жаловаться на свою судьбу Джози, которая с детских лет была вынуждена вести борьбу за существование. Ее собственное детство тоже было не сахар, но, во всяком случае, ей не приходилось выживать на улицах, как Джози. При других обстоятельствах их пути никогда бы не пересеклись, но здесь они стали близкими подругами.

В обеденном зале они заняли свои обычные места за женским столом: Джози – в голове, Мари и Брия – по обе стороны от нее. Мари аккуратно развернула салфетку, расстелила ее на коленях и тотчас же приступила к еде, памятуя о том, что мадам Пуаро, как всегда, наблюдает за ними. Завтраки, обеды и ужины были частью занятий. Французы, как узнала Мари вскоре после прибытия в учебный центр, соус на тарелке промокают хлебом. И никогда не просят сливочное масло: оно у них давно кончилось. Даже во время еды девушки, казалось, сдавали своеобразный экзамен. Малейшая оплошность могла привести к провалу.

Мари вспомнилось, как однажды за ужином спустя несколько дней после ее приезда в Арисейг-Хаус им подали очень хорошее вино. «Не пей, – шепнула ей Джози. Рука Мари, в которой она держала бокал, замерла на весу. – Это ловушка». Очевидно, Джози имеет в виду, что вино отравлено, промелькнуло в голове у Мари. Она поднесла бокал под нос, понюхала вино, как ее учили. Серного запаха она не ощутила. Кинув взгляд вокруг, Мари заметила, что девушкам уже наливают по второму, потом по третьему бокалу. У тех щеки раскраснелись, они оживленно болтали, словно им было плевать на все и вся. Мари поняла, что этот тест был устроен с целью посмотреть, утратят ли они бдительность, когда опьянеют.

– Ты чего так торопишься? – заметила Джози за завтраком. – На свидание, что ли?

– Рассмешила. Мне нужно пересдать шифрование.

Джози понимающе кивнула. Мари уже провалила экзамен на одном из предыдущих занятий по радиосвязи. Третьего шанса ей не представится. Не сдаст сегодня – и всё, значит, не способна освоить рацию. С вещами на выход, пожалуйста.

И что в этом плохого? – размышлял Мари за завтраком. Она не по собственной воле выбрала эту странную трудную жизнь. Сейчас она просто хотела провалить экзамен и уехать домой, чтобы повидать Тесс.

Со дня прибытия в Арисейг-Хаус Мари усердно занималась с утра до ночи. Большую часть времени она проводила за радиопередатчиком, осваивая навыки радиотелеграфистки (их называли РТ). Но познавала она и многое другое – то, о чем раньше даже представления не имела: как организовать передачу информации через тайник и путем непосредственного контакта, в чем различие между этими двумя способами (первый предполагал некое условленное место, где один агент оставлял сообщение для другого; второй – тайную личную встречу), как выбрать подходящее место встречи – такое, где женщина может находиться по другим причинам, не вызывая подозрений.

Но если с физическими нагрузками Мари теперь справлялась легче, все остальные дисциплины давались ей с трудом. Сколько б она ни занималась, до успеха было далеко. У нее дрожали руки, когда она устанавливала взрывчатку; она была безнадежна в рукопашном бою, плохо стреляла. Пожалуй, больше всего опасение вызывало то, что она не могла уверенно лгать, придерживаясь своей легенды. Если она не способна пройти проверку на прочность во время учебного допроса с применением весьма ограниченного арсенала средств принуждения, на что она могла рассчитывать в реальной обстановке? Ее единственной сильной стороной был французский язык, которым она владела лучше всех еще до прибытия в учебный центр. На всех других фронтах она терпела фиаско.

Внезапно Мари охватила жуткая тоска по дому. Зря она поступила на военную службу, это была ошибка. В сущности, что ей мешает снять военную форму,

вернуть ее, дать обязательство о неразглашении полученных сведений и отправиться домой к Тесс. Такие сомнения были ей не внове. Они терзали ее на протяжении долгих часов занятий и по ночам, когда она штудировала учебный материал и спала. Разумеется, ими она больше ни с кем не делилась. Другие курсантки не знали колебаний, а, если в чем-то и были не уверены, свои мысли они держали при себе. Ее товарищи демонстрировали решимость, сосредоточенность, целеустремленность, и Мари следовало бы брать с них пример, если она надеялась остаться в их рядах. Она не должна была показывать свой страх. Это было недопустимо.

– Начальство приехало, – внезапно сообщила Джози. – Видать, что-то затевается.

Вслед за Джози Мари подняла взгляд к балкону, с которого обозревалась вся столовая. Там стояла высокая женщина, и она смотрела прямо на них. Элеонора. Мари больше ни разу не видела ее с того вечера полтора месяца назад, когда ее приняли на службу. Однако на протяжении всех этих наполненных одиночеством долгих недель обучения она часто думала об Элеоноре. Почему та решила, что Мари пригодна для диверсионной деятельности или что она захочет этим заниматься?

Мари встала и помахала Элеоноре, словно давней подруге. Но та холодно смотрела на нее, будто впервые видела. Помнила ли Элеонора их первую встречу в туалете, или Мари для нее всего лишь одна из безликих девушек, которых она завербовала? У Мари запылало лицо, словно ее отхлестали по щекам. Но потом она поняла: ей не полагалось вспоминать свою прошлую жизнь и тех, кто в ней был. Еще один тест провален. Мари опустилась на свое место.

– Ты с ней знакома? – поинтересовалась она у Джози.

– Встречались, когда она меня вербовала, – кивнула та. – В Лидсе. Она сказала, что якобы приехала на конференцию.

– Меня тоже она нашла, – добавила Брия. – В машинописном бюро в Эссексе. – Судя по всему, каждую девушку Элеонора отобрала лично.

– Это Элеонора разработала для нас учебную программу, – тихим голосом поведала Джози. – И она решает, кто из нас будет заброшен и с каким заданием.

Элеонора облечена такой огромной властью, отметила про себя Мари. Вспомнив, какой холодной и надменной та показалась ей в их первую встречу в Лондоне, Мари подумала, что, возможно, отказ Элеоноры ответить на ее приветствие – плохой знак.

– Мне она нравится, – заявила Мари. Элеонора, при всей ее внешней суровости, обладала сильным волевым характером, и это вызывало у Мари восхищение.

– А мне – нет, – ответила Брия. – В ней столько чванства и высокомерия. По ее мнению, мы ей в подметки не годимся. Сама надела бы форму и летела во Францию, если считает, что справится лучше.

– Да она пыталась, – тихо сказала Джози. – Раз десять просилась, чтобы ее отправили, как я слышала. – Джози имела обширную сеть связей и источников информации. Ей удавалось заводить дружбу со всеми, от работников кухни до инструкторов, которые снабжали ее ценными сведениями. – Но ответ был всегда один и тот же. Она должна оставаться в штаб-квартире, потому что она незаменима здесь: ее миссия – подготовить нас к выполнению заданий.

Наблюдая за Элеонорой, которая, стоя на балконе, казалось, чувствовала себя здесь чужой, не в своей тарелке, Мари подумала, что, наверно, было бы одиноко стоять на ее месте и что Элеоноре, возможно, хотелось бы быть одной из них.

Девушки быстро доели свой завтрак и через пятнадцать минут уже входили в аудиторию, где стояли в три ряда по четыре стола, на каждом – приемопередатчик. Инструктор уже вывесил задание – сложное сообщение, которое следовало закодировать и отослать. Элеонора, заметила Мари, сидела в углу комнаты, внимательно наблюдая за ними.

Мари заняла свое место за радиопередатчиком и надела наушники. Рация представляла собой некий странный аппарат наподобие радиоприемника, по которому можно слушать музыку или передачи Би-би-си. Только она была уложена плашмя в чемоданчик и имела больше круглых ручек и круговых шкал. В верхней части панели находился маленький ключ для передачи радиограмм, в нижней – такой же ключ для приема. С правой стороны – розетка для блока питания, слева – кармашек с комплектом запчастей и четырьмя кристаллами, которые вставляли в пазы для фиксации той или иной частоты.

Остальные девушки принялись работать с сообщением, которое висело на доске, а Мари пробежала глазами текст на листке бумаги, что оставил ей инструктор для пересдачи экзамена. Это были строки из пьесы Шекспира:

«Лишиться даже той частицы славы,

Что на его могла прийтись бы долю.

Да, не желай подмоги нам, кузен,

А лучше объяви войскам, что всякий,

Кому охоты нет сражаться, может

Уйти домой; и денег на дорогу,

И пропуск мы дадим. Мы не желаем

Пасть рядом с тем, кто трусит умереть

Бок о бок с нами, как товарищ верный. —

Сегодня день святого Криспиана»[8 - У. Шекспир. «Генрих V». Акт IV, сцена 3.].

Прежде сообщение следовало закодировать с помощью шифра. Шифры лежали в маленькой сумочке. Каждый был напечатан на отдельном квадратике шелка размером дюйм на дюйм. Каждый клочок шелка содержал так называемый «ключ» – одноразовый шифр, меняющий одну букву на другую (например, «а» на «м», «о» на «в» и т. д.), так что для непосвященного человека все сообщение превращалось в абракадабру. Каждый шифровальный ключ использовался для кодирования только один раз. Мари поменяла в тексте буквы на кодовые, что были указаны в шифре, записала закодированное сообщение, затем, как ее учили, чиркнула спичкой и сожгла шелковый ключ.

Потом начала отбивать сообщение телеграфным ключом. Она несколько недель училась набирать буквы азбукой Морзе и практиковалась так много, что морзянка ей даже снилась. Но ей до сих пор не удавалось печатать быстро, гладко и без ошибок, как это требовалось в реальной обстановке.

Однако работа с приемопередатчиком заключалась не только в кодировании и владении азбукой Морзе. Буквально в первые дни учебы инструктор по радиосвязи, молодой лейтенант, откомандированный УСО из Блетчли-парка,

отвел Мари в сторону.

– Мы должны зафиксировать ваш почерк и присвоить вам личные проверочные коды.

– Не понимаю.

– Видите ли, приемопередатчики взаимозаменяемы: если у кого-то есть катушки и кварцевые резонаторы, он всегда сумеет выйти в эфир. Любой, кому удастся раздобыть эти элементы, сможет вести радиообмен. Если донесение пришло действительно от вас, в штаб-квартире это смогут определить только по вашим личным проверочным кодам и почерку. Начнем с почерка, – продолжал инструктор. – Набейте мне сообщение о погоде.

– Незашифрованное?

– Да, просто наберите. – Его просьба Мари показалась странной, но она без лишних слов отстучала строчку о том, как быстро здесь меняется погода: то ураганные ветры, то яркое солнце. Потом подняла на него глаза. – Продолжайте. Пишите о чем угодно, кроме личных данных. Текст должен состоять из нескольких строк, чтобы мы могли идентифицировать ваш почерк.

Озадаченная, Мари повиновалась.

– Вот, пожалуйста, – сказала она, заполнив страницу чепухой – рассказом о том, как минувшей весной неожиданно разразилась метель, похоронившая под снегом цветущие нарциссы.

Набранный ею текст распечатал телетайп, стоявший в передней части аудитории. Инструктор взял распечатку и показал ей.

– Видите, вот это ваш почерк: вы давите на первую часть слова, делаете длинные паузы между предложениями.

– И вы определили это всего по одному сообщению?

– Да, хотя для сравнения у нас есть другие ваши учебные тексты. – До той минуты Мари не задумывалась о том, что на нее ведут досье, хотя, конечно же, определенный смысл в этом был. – Но, в принципе, от сеанса к сеансу почерк не меняется. Ваш почерк столь же уникален, как ваша манера письма или подпись; по нему определяют, что радиограмму передали вы, и никто другой. Сила удара по телеграфному ключу, время и расстояние между буквами создают особенности индивидуального стиля. У каждого радиста свой собственный неповторимый почерк, по которому мы определяем, что вы – это вы.

– Могу я чуть изменить свой почерк, чтобы подать сигнал, если что-то пошло не так?

– Нет, очень трудно радировать в несвойственном тебе стиле. К примеру, вы ведь, когда пишите, не думаете, какую манеру письма избрать. Пишите, и все. И если захотите написать что-то в неузнаваемой манере, вам придется использовать недоминантную руку. То же самое с почерком радиста: вы вырабатываете его неосознанно и изменить не можете. Но если что-то пойдет не так, сигнал можно подать другим способом. Для этого существуют личные проверочные коды.

И инструктор принялся объяснять, что каждый агент имеет личный проверочный код. Это – некая аномалия в тексте радиограммы, по которой адресат устанавливает, что данное сообщение пришло именно от нее. В частности, Мари всегда должна допускать «ошибку», на месте тридцать пятой буквы набивая «п» в своем донесении. Ее второй проверочный код – замена каждой второй «о» на «а» в тексте. Первый проверочный код называют «обманным», объяснил инструктор.

– Немцам известно, что мы используем проверочные коды, и они попытаются выведать у вас ваш код. На допросе вы можете выдать им свой «обманный код». – Представив себя на допросе, Мари внутренне содрогнулась. – Однако подлинность сообщения подтверждает именно второй – настоящий – код. Вот его вы не должны выдавать ни при каких обстоятельствах.

Мари завершила свой повторный тест, убедившись, что включила в передаваемый текст и обманный код, и настоящий. Затем обернулась. Элеонора сидела на том же месте в углу и, как ей показалось, наблюдала только за ней. Подавив чувство неловкости, Мари начала выполнять задание с доски. Работая с более длинным текстом и новым шифровальным ключом, что был напечатан на

другом шелковом лоскутке, она постепенно набирала темп и спустя пять минут закончила набивать сообщение. Довольная собой, она подняла голову.

Элеонора вырвала из телетайпа распечатку текста Мари и решительным шагом подошла к ней. Вид у нее был сердитый.

– Нет, так не пойдет! – заявила Элеонора раздраженным тоном, чем немало озадачила Мари: ведь она все сделала абсолютно правильно. – Вы должны не просто стучать телеграфным ключом, как по клавишам пианино. Этого недостаточно. Ваша задача – осуществлять радиообмен и «говорить» естественно, чтобы был слышен ваш индивидуальный «голос».

Мари хотела возразить, сказать, что именно это она и сделала, или хотя бы спросить, что конкретно Элеонора имеет в виду. Но та, не давая ей опомниться, выдернула из рации телеграфный ключ.

– Зачем это?! – воскликнула Мари. Не отвечая, Элеонора взяла отвертку и стала дальше демонтировать приемопередатчик, раздирая его на части с такой свирепостью, что болты и шурупы отлетали на пол, закатываясь под столы. Остальные девушки наблюдали за ней в ошеломленном молчании. Даже инструктор опешил.

– О! – вскричала Мари, хватаясь за разобранные части. В этот момент она на физическом уровне ощутила свою тесную связь с рацией, на которой она работала со дня прибытия в учебный центр.

– Мало уметь работать с рацией, – надменно произнесла Элеонора. – Вы должны научиться ремонтировать ее, собирать с нуля. У вас десять минут на то, чтобы собрать приемопередатчик. – И Элеонора удалилась. А Мари захлестнул гнев. Элеонора не просто наказывала ее за недавний порыв в столовой; она стремилась вывести ее из строя.

Мари смотрела на демонтированные компоненты приемопередатчика и пыталась вспомнить инструкцию, которую она заучивала на первых занятиях по радиосвязи, пыталась представить в своем воображении нутро рации. И не могла.

– Начни вот с этого, – посоветовала Джози, подходя к ней. Она поправила завалившуюся на бок часть основания рации и стала придерживать ее, пока Мари крепила к ней несущую плату. Остальные девушки тем временем тоже встали со своих мест и, ползая на четвереньках, принялись собирать разлетевшиеся компоненты и крепеж.

Держи. – Джози дала Мари круглую ручку, которая вкручивалась в передатчик. Тонкими пальцами она проворно затянула винт, который никак не поддавался Мари. Джози показала на один болт, который она плохо прикрутила.

Наконец приемопередатчик был собран. Но заработает ли он? Мари постучала телеграфным ключом и стала ждать. Раздался тихий щелчок: код, который она ввела, был зарегистрирован. Рация снова работала.

Мари подняла голову, глазами ища Элеонору: хотела посмотреть на ее реакцию. Но Элеонора уже ушла.

– За что она тебя так ненавидит? – шепотом спросила Джози, когда остальные вернулись на свои места.

Мари не ответила. Спина ее словно одеревенела. Не спрашивая разрешения, она покинула аудиторию и пошла по коридору, заглядывая во все двери, пока не нашла Элеонору в одном из пустых кабинетов. Та изучала какие-то документы.

– Почему вы так строги ко мне? Вы меня ненавидите? – подступила к ней Мари, повторяя вопрос Джози. – Приехали сюда только для того, чтобы разделаться со мной?

Элеонора подняла голову от папки.

– Ничего личного. Либо у вас есть качества, необходимые для успеха, либо – нет.

– И, по-вашему, у меня таких качеств нет?

– Не важно, что я думаю. Я читала ваше досье. – До сей минуты Мари не задумывалась о том, что написано о ней в досье. – Вы обрекаете себя на провал.

– Французским я владею не хуже других, даже в сравнении с мужчинами.

– Быть не хуже мужчин недостаточно. Они не верят, что мы пригодны для такой деятельности, значит, мы во всем должны быть лучше их.

– С каждым днем я наращиваю скорость и кодирую… – не унималась Мари.

– Речь идет не о технических навыках, – перебила ее Элеонора. – Главное здесь характер, боевой дух. Возьмем, к примеру, вашу рацию. Это не просто устройство. Ваша рация – продолжение вас самой.

Мари не сразу заметила у ног Элеоноры сумку, которую та теперь взяла и протянула ей. В сумке лежали вещи Мари, в которых она прибыла в учебный центр: верхняя одежда и даже ожерелье, подаренное Тесс. Те самые вещи, которые она поместила в шкафчик, что стоял в ногах кровати. Их вытащили и упаковали.

– Здесь все ваши принадлежности, – сказала Элеонора. – Можете сменить военную форму на свою одежду. Через час перед домом будет ждать машина, готовая доставить вас назад в Лондон.

– Вы меня выгоняете? – изумилась Мари. Она и сама не ожидала, что будет так сильно разочарована.

– Я даю вам возможность уйти. Право выбора за вами.

Она могла бы уехать в любое время, осознала Мари, ведь она не военнослужащая. Но Элеонора держала перед ней дверь открытой, так сказать. Предлагала ей уйти.

Наверно, это очередной тест, решила Мари. Однако лицо Элеоноры оставалось серьезным. Она действительно предоставляла ей шанс вернуться к прежней жизни. Воспользоваться им? Завтра она уже могла бы быть в Лондоне и в выходные – с Тесс.

Но ее снедало любопытство.

– Можно задать вам вопрос?

– Один, – недовольно кивнула Элеонора.

– Если я останусь, что конкретно мне предстоит делать там, куда меня забросят? – В учебном центре она постигала множество наук, но до сих пор плохо представляла, в чем будет состоять ее миссия.

– Если коротко, вести радиообмен: передавать информацию в Лондон о проводимых и готовящихся операциях и получать сообщения о выброске с воздуха людей и грузов. – Мари кивнула: это она и сама сообразила за недели учебы. – Видите ли, мы всячески пытаемся усложнить жизнь немцам – замедляем работу их военных заводов, устраиваем диверсии на железной дороге. В общем, делаем все, что в наших силах, дабы облегчить продвижение наших войск, когда начнется наступление. Ваша работа в радиоэфире крайне важна для поддержания непрерывного взаимодействия между Лондоном и нашими людьми в Европе. Но у вас могут быть десятки других поручений. Поэтому мы должны подготовить вас к любым неожиданностям.

Мари потянулась за сумкой, но что-то ее остановило.

– Я собрала приемопередатчик. С помощью других девушек, – быстро добавила она.

– Молодец. – Выражение лица Элеонора немного смягчилось. – И с крысой вы ловко расправились на занятии по взрывотехнике. – Мари тогда и не догадывалась, что Элеонора за ними наблюдала. – Остальные испугались. А вы – нет.

– У нас дома в Лондоне их полно, – пожала плечами Мари.

– Я думала, с ними ваш муж разбирается. – Элеонора смотрела на нее ровным взглядом.

– Разбирался, то есть разбирается… – Мари запнулась. – У меня нет мужа. Он ушел, когда родилась наша дочь.

Элеонора не выразила удивления, и Мари подумалось, что ее признание не стало для Элеоноры новостью: та наверняка выяснила все о ее семейном положении еще в процессе вербовки. Вряд ли Джози проболталась.

– Я бы вам посочувствовала, но, если он оказался мерзавцем, думаю, вам без него гораздо лучше.

И Мари снова посетила одна мысль. В ее жизни бывали периоды, когда она особенно остро ощущала свое одиночество, ночами терзалась сомнениями, пытаясь понять, почему Ричард ушел и как ей выжить без его помощи. Но в ночной тиши, баюкая у груди Тесс, она совершенно четко осознала, что обязана рассчитывать только на себя.

– Пожалуй. Простите, что раньше вам не сказала.

– Выходит, вы все-таки способны придерживаться своей легенды, – сухо заметила Элеонора. – У каждого из нас есть свои секреты, – добавила она, – но мне вы никогда не должны лгать. Лишь владея полной информацией, я сумею уберечь вас от гибели. Впрочем, теперь это уже неважно. Вы, если не забыли, уезжаете? – Элеонора протянула Мари сумку с ее вещами. – Идите переоденьтесь и сдайте свое снаряжение до прихода машины. – Она снова уткнулась в документы, которые изучала до появления Мари, и та поняла, что разговор окончен.

Мари вернулась в казарму. Занятие по радиосвязи закончилось, у девушек был перерыв. Джози ждала ее, складывая одежду на своей аккуратно заправленной кровати.

– Ну как ты? – спросила она. В ее голосе слышался лишь слабый намек на участливость.

Мари пожала плечами, не зная, что ответить.

– Элеонора сказала, что я могу уехать, если хочу.

– И что ты решила?

Понурившись, Мари грузно опустилась на краешек кровати.

– Уеду, наверно. Сама я сюда никогда не рвалась. Это не мое.

– Не твое, потому что ты никогда не понимала, зачем тебе это нужно, – бесстрастно поправила ее Джози, продолжая складывать одежду. Она фактически повторила, только в других выражениях, то, что сказала Элеонора, и это задело Мари за живое. – Всегда должно быть какое-то «зачем». Вот, например, я. У меня никогда не было своего дома. И здесь меня все устраивает. Кстати, они только этого и ждут, – добавила Джози. – Чтобы мы сдались. Не Элеонора, конечно. Мужики. Хотят, чтобы мы доказали их правоту, – что у женщин кишка тонка.

– Возможно, они правы, – проронила Мари.

Не отвечая, Джози вытащила из-под кровати небольшой чемодан.

– Ты что делаешь? – внезапно встревожилась Мари. Не может быть, чтобы Джози отчислили из школы: она же из них самая толковая и умелая. Но Джози принялась укладывать вещи в чемодан.

– Я понадобилась им раньше, – объяснила Джози. – Они не могут ждать, когда я окончу учебку. Я прямо отсюда отправляюсь за линию фронта.

– Не может быть, – ошеломленно промолвила Мари.

– Может. Уезжаю завтра утром. Собственно, к этому все и шло. Не зря же нас здесь готовят.

Мари кивнула. Время от времени кто-то из девушек покидал школу, отправляясь в тыл врага. Но Джози была их оплотом. Как они будут тут без нее?

– В конце концов, я же не умирать еду, – добавила Джози, криво улыбнувшись.

– Просто это так скоро.

Слишком скоро. Джози не имела права говорить что-то о своем задании, но Мари поняла, что только крайняя необходимость заставила Элеонору приехать за ней сюда из Лондона.

Опомнившись, Мари полезла в свой солдатский сундучок.

– Вот, возьми. – Она протянула Джози ячменную булочку, которую по ее просьбе испек один поваров (ради этого ей пришлось пойти даже на подкуп). – Это тебе на день рождения. – Через два дня Джози исполнялось восемнадцать лет. Только теперь уже свой день рождения она встретит не здесь. – С корицей. Как тебе брат всегда дарил.

Джози на несколько секунд утратила дар речи. Глаза ее увлажнились, на щеку скатилась слезинка. Мари испугалась, что она ее обидела.

– С тех пор как он ушел на фронт, я уже и не ждала, что кто-то еще может вспомнить про мой день рождения. – Джози едва заметно улыбнулась. – Спасибо. – Она разломила булочку пополам и одну половинку дала Мари. – Видишь, тебе никак нельзя бросать учебку, – сказала Джози, смахивая с губ крошки. – Кто-то же должен опекать новичков. – Она жестом показала на пустые койки. Мари промолчала, но в шутке Джози была доля истины. Три девушки в их группе прибыли в учебный центр позже Мари – на место агентов, которых забросили за линию фронта. – На мое место придет новенькая. – Невыносимая мысль. Но Джози права, рассудила Мари. Девушке, которая займет ее место, потребуется помощь. И Мари должна помочь новенькой адаптироваться в новых тяжелых условиях, как в свое время ей самой помогали Джози и другие «ветераны». – Теперь девушки нуждаются в тебе больше, чем когда-либо. И дело вовсе не в том, сколько ты здесь пробыла, – добавила Джози. – Ты заметно выросла с тех пор, как впервые вошла сюда. Ты тогда не могла ни до Пика добежать, ни спрятать свою английскую контрабанду. – Они обе улыбнулись, вспоминая те случаи. – Ты справишься, – твердо сказала Джози. – Ты сильнее, чем думаешь о себе. Ладно, займемся взрывными устройствами. Посмотрим, что за сюрприз нам сегодня приготовил профессор Дигглсби. – Джози пошла из казармы. Она не стала дожидаться Мари, не позвала ее за собой. Как будто она уже уехала.

Мари неподвижно сидела на кровати, глядя на темные воды озера. За открытыми всем ветрам холмами простиралось серое небо. Ей казалось, что, если она не будет шевелиться, ничего не изменится. Джози не отправят на

задание, и она не будет поставлена перед ужасным выбором: уехать или остаться. Несмотря на суровые условия учебной подготовки, они здесь создали для себя свой отдельный мирок, в котором удавалось позабыть про опасность и страдания за его границами. Только теперь этот мир был разрушен.

Она взглянула на сумку со своими вещами – реликтами из другой эпохи. Она могла бы вернуться к прежней жизни, как о том мечтала многие недели. Но, скользя взглядом по казарме, Мари осознала, что она стала частью чего-то более значимого. За долгие дни суровой учебы вместе с другими девушками она сплелась с ними в некий единый кусок плотной ткани, из которой нельзя вырвать ни одной ниточки.

Мари отдернула от вещей руку.

– Еще не время, – прошептала она. Затем закрыла сумку и пошла на занятие по взрывотехнике.

Глава 8

Грейс

Нью-Йорк, 1946 г.

Чемодан исчез.

Грейс стояла в главном зале Центрального вокзала, в водовороте вечерних толп народа, и тупо смотрела под скамью, где утром заметила бесхозный багаж. На мгновение ей подумалось, что он ей привиделся. Тогда откуда у нее в руке пачка фотографий? Нет, за то время, что она была на работе, кто-то забрал тот чемодан или перенес его в другое место.

В принципе ее не должно было удивлять, что чемодана больше нет под скамейкой. Он кому-то принадлежал, а прошел почти целый день. Вполне естественно, что хозяйка вернулась за своим багажом. Но теперь, с его

исчезновением, тайна чемодана и фотографии интриговали ее еще больше. Грейс глянула на снимки в своей руке, и ей стало стыдно: зачем она вообще их взяла?

– Простите, – обратилась Грейс к проходившему мимо носильщику.

Тот остановился, рукой коснулся фуражки в знак приветствия.

– Мэм?

– Я ищу один чемодан.

– Если он в пункте хранения багажа, я вам его принесу. – Он протянул руку. – Ваш билет, пожалуйста?

– Нет, вы не так поняли. Это не мой багаж. Сегодня утром под скамейкой стоял чемодан. Вон там. – Она показала на то место, где видела чемодан. – Я пытаюсь выяснить, куда он делся. Коричневый, с надписью на боку.

Носильщик пришел в смятение.

– Если это не ваш чемодан, зачем вы его ищете?

Хороший вопрос, заметила про себя Грейс. Она хотела сообщить про фотографии, но передумала.

– Я пытаюсь отыскать его владельца, – наконец произнесла она.

– Если билета нет, я ничем не могу вам помочь. Спросите в бюро находок, – подсказал носильщик.

Бюро находок находилось этажом ниже, в тихом затхлом уголке, где, в сравнении со столпотворением центрального зала, казалось, был совершенно другой мир. За прилавком сидел, читая газету, немолодой мужчина с седыми бакенбардами, в жилете и с козырьком на голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Адская кухня (Hell’s Kitchen) – район Манхэттена (Нью-Йорк), также известный как Клинтон. В 1800–1980-х гг. имел славу криминального центра Нью-Йорка, поскольку там был высокий уровень преступности. Отсюда и название.

2

«Победные локоны» (victory rolls) – женская прическа с валиками или коками по обеим сторонам пробора, популярная в 1940-х гг.

3

«Coty» – французско-американский производитель косметических продуктов. Компания была основана в 1904 г. в Париже парфюмером Франсуа Коти (1874–1934). В 1912 г. были открыты филиалы в Лондоне и Нью-Йорке.

4

MI 6 – секретная разведывательная служба Великобритании.

5

Legion des Volantaires Fran?ais contre le Bolchevisme (LVF) – Легион французских добровольцев против большевизма (ЛФВ). Пехотный полк, сформированный во Франции; принимал участие в боевых действиях на Восточном фронте во время Второй мировой войны на стороне Германии.

6

Блетчли-парк (Bletchley Park), также известный как Station X, – особняк, расположенный в Блетчли (ныне в составе города Милтон-Кейнс) (графство Бэкингемшир в центре Англии). В период Второй мировой войны в Блетчли-парке располагалось главное шифровальное подразделение Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров, позже получившая название «Центр правительственной связи». Там взламывались шифры и коды стран Оси.

7

En fran?ais (фр.) – по-французски!

8

У. Шекспир. «Генрих V». Акт IV, сцена 3.

Купить: https://tellnovel.com/dzhenoff_pem/propavshie-devushki-parizha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити